

ДОЛГ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРАВДЫ БОЖИЕЙ

В день открытия Международных Рождественских чтений митрополит Самарский и Сызранский Сергей сослужил митрополиту Ростовскому и Новочеркасскому Меркурию, председателю оргкомитета Чтений, в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве

Сегодня читался отрывок из Первого послания апостола Петра (1 Пет. 4,12-5,5). В этом апостольском чтении есть слова, которые поразили меня своей силой много лет назад, когда я еще только собирался стать на путь служения Церкви: **Пастырей ваших умоляю: пасите стадо, не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду.**

На каждом месте иерархического служения непросто осуществлять этот апостольский завет, потому что слово «господство» нередко реализуется в совершенно конкретных деяниях священнослужителя, особенно же архиерея, которому Самим Богом через святых апостолов вручено право вязать и решить, принимать

иногда очень строгие канонические решения. Со стороны они могут показаться проявлением господства одного человека над другим, но это совершенно не так. Вот для того чтобы ни у кого и никогда не возникла мысль, что священнослужитель, будь то священник, архиерей или Патриарх, господствует над стадом, необходимо соблюсти последнюю часть этого дивного апостольского завета: **подавая пример стаду.** А если примера нет, то самые безобидные действия могут восприниматься как господство, и нет доверия ни к словам, ни к делам, особенно иерархов и Патриарха. Поэтому прямое и, я бы сказал, радикальное исполнение апостольской заповеди является непременным условием успеха служения — и священника, и архиерея, и тем более Патриарха.

Чтобы было так, нужно прилагать много сил. Чтобы служить примером, нужно быть чуть выше тех, кто в тебе желает увидеть пример. Это не значит, что все хотят в тебе видеть пример, но есть те, на кого так и смотрят, — будь то священник, настоятель храма, настоятель или настоятельница обители, особенно же архиерей и Патриарх. Но чтобы было так, нам всем нужно помнить, исповедовать всей силой своей души, что никакого примера не получится, если мы будем искусственно создавать некий образ благочестия, праведности, справедливости и доброты, ведь сердце человека обмануть невозможно. Можно обмануть одного, другого, третьего — Церковь обмануть невозможно.

А значит, чтобы являть пример, нужно трудиться не покладая рук. И не только над честным, ответственным, самоотверженным исполнением своих непосредственных обязанностей, но и над самим собой, над своим внутренним миром, над своей способностью бороться с грехами, преодолевая искушения и человеческую слабость.

В наше время мученичество не прекратилось, и мы знаем, что оно имеет место и сегодня. Но не всегда свидетельство о Христе связано с насильственной смертью. Мы все призваны быть свидетелями правды Божией, и сегодня за это свидетельство мы чаще всего не лишаемся жизни. Но нередко это свидетельство ставит нас в очень сложное положение.

Современное общество склонно видеть в Церкви некую систему, которая обслуживает его потребности и даже вкусы. И если вкусы современного общества входят в противоречие с истинными христианскими убеждениями, тогда возникает тема свидетельства.

Мы знаем, иногда христианские общины проявляют готовность учитывать эти вкусы и тем самым отходят от Божией истины. Но мы призваны свидетельствовать о правде Божией и не прогибаться перед вкусами современного общества.

Церковь не призывает к конфликту с обществом, но христиане призваны хранить правду Божию и свидетельствовать о ней, даже когда течение общественной жизни идет в противоположную сторону.

Душа нашего народа не была потеряна даже в годы жесточайших антицерковных гонений. Будучи лишены возможности получения знания о своих корнях через систему советского образования, формально являясь атеистами, наши соотечественники не стали существами, двигавшимися стройными рядами в обещанное безбожниками светлое будущее. Народный подвиг в Великой Отечественной войне, достижения в области науки и техники стали актами самоотречения, которые могли быть совершены только людьми, по своему внутреннему устройству оставшимися христианами. Нет таких атеистических идеалов, ради которых человек бы расстался с жизнью ради любви к ближнему. Ведь если нет вечности, то как можно добровольно пожертвовать своей жизнью?

Но наследие атеизма тем не менее проявляется в деятельности некоторых людей или социальных групп. Страх перед Церковью и христианством, носящий характер фобии, происхождением из советского времени, когда десятилетиями стигматизировали общины верующих, лишая их права голоса, изгоняя из публичного пространства.

Обратите внимание, как нервно некоторые в нашей стране реагируют на реализацию признанного Советом Европы права Церкви вернуть храмы, незаконно отобранные у верующих.

Всякий раз, вспоминая древних мучеников, мы должны молиться им, чтобы по их молитвам Господь дал нам силы быть мужественными свидетелями о правде Божией. Контекст этого свидетельства может быть очень разным и сложным: это и сфера общественных отношений, и масс-медиа, и социальные сети, и собственные семьи. И последнее иногда бывает сложнее, чем все остальное. Каждый родитель-христианин должен свидетельствовать перед детьми о правде Божией. А дети, получившие христианское воспитание, но которые живут в нерелигиозной или нехристианской семье, должны иметь способность свидетельствовать об этой правде перед своими родителями.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

«НЕ СУЩЕСТВУЕТ ГОСУДАРСТВА

Из выступления Святейшего Патриарха Кирилла на открытии V Рождественских Парламентских встреч, организованных в Государственной думе Федеральной Собрания Российской Федерации в рамках XXV Международных Рождественских образовательных чтений

Свидетельством результативности наших встреч является активизация общественных дискуссий по темам нравственного, семейного характера, ценностей, связанных с просвещением, образованием и многим другим. Отраднo, что в результате церковно-парламентского диалога мы находим взаимопонимание по целому ряду сложных вопросов, решение которых остается теперь делом формально-юридическим.

Принципиальное значение имеет тот факт, что выстроенная за два с лишним десятилетия в России система государственно-религиозного взаимодействия в полной мере соответствует закреплённому в Конституции принципу светскости государства. Следование данному принципу одинаково важно и для государственной власти, и для Русской Православной Церкви: государство и религиозные объединения не вмешиваются во внутренние установления друг друга.

У меня не было ни одного случая, чтобы в течение моего служения в сане Патриарха кто-то из представителей государственной власти предпринял хоть малейшую попытку вторгаться в кадровую или иную политику Русской Церкви. Уверяю вас, что и у меня, и у моих собратьев нет никакого желания вторгаться в государственные дела, но есть нравственная ответственность Церкви, как, думаю, любой добросовестной общественной организации, — выражать свое мнение в отношении всего того, что происходит в стране, и особенно того, что затрагивает внутреннюю, духовную жизнь людей. При этом светскость не является препятствием для диалога и сотрудничества. Как почетный председатель Межрелигиозного совета России, хотел бы выразить обем палатам парламента признательность от имени всех традиционных религиозных общин России за готовность и способность слышать и учитывать интересы верующих. Рад, что представители этих общин сегодня вместе со мной посещают Государственную думу».

Святейший Патриарх высоко оценил уровень взаимодействия депутатов и представителей христианских общин России в рамках работы Межфракционной депутатской группы по защите христианских ценностей. Он убежден, что «данное объединение законодателей (созданное, что важно подчеркнуть, на внепартийной основе) способно придать стимул законотворческой деятельности, направленной на защиту традиционных ценностей, одинаково важных для депутатов и избирателей, независимо от их политических предпочтений».

«Довольно часто в последнее время звучат призывы к формулированию общенациональных идей, определяющих вектор развития государства и общества. Это отражает естественное развитие гражданского сознания. Убежден, что во многом это происходит благодаря принципам, закреплённым в нашей Конституции. Именно они вызвали к жизни гражданскую активность, стали основой для защиты национальной исторической памяти от попыток ее искажения и поругания, для защиты духовного и культурного наследия нашего народа. Вместе с тем важно понимать, что разговор о национальной истории и культуре невозможен вне духовно-нравственного контекста. В противном случае он рискует превратиться в сплошную демагогию, основанную на подмене смыслов».

«Не существует государства без идейного стержня, — подчеркнул он, — и сегодня разговор об идеологии и политических приоритетах не может быть оторван от размышлений о культурных и духовных основаниях нашего общества. В современном мире присутствует множество идеологий, в основе которых лежат разные мировоззрения. Но я глубоко убежден в том, что чаяниям и интересам народа действительно отвечают лишь те принципы, которые зиждутся не на искусственно конструируемых идеологиях, но проистекают из нравственной природы человека. Нравственность всегда первична, а закон вторичен. Если бы не было этой последовательности, если бы закон не обуславливался нравственностью, то мы жили бы в страшной системе межличностных отношений. Закон признается справедливым или несправедливым только тогда, когда он отвечает нравственному чувству людей. И тот кризис, в том числе законодательный, который поражает сейчас некоторые страны, отрывающие закон от нравственности или поставяющие нравственность в зависимость от закона, — когда граждан принуждают к тем или иным поступкам в силу закона, принятого вопреки нравственному чувству, — это вызов всему цивилизационному развитию. Такие игры с человеческой цивилизацией не могут быть безобидными.

Бережное отношение к истории и сохранение исторического наследия — это зримое свидетельство готовности общества к усвоению уроков прошлого. Если мы будем учитывать опыт наших предков, и в частности, что очень важно для нашей страны, осознаем причины войн, междоусобиц, революций, мы сможем и в будущем не повторить роковых ошибок. Еще в 2014 году Всемирный русский народный собор предложил концепцию примирения истории, призвав наше общество признать, что, какими бы ни были в нашем прошлом трудности или достижения, это наш опыт, это болезненные уроки или примеры для подражания. Особенно актуален этот разговор в связи со 100-летием крушения Российской империи и известных революционных событий, за которыми последовали жесткие попытки отказаться от национальной духовной традиции.

Думается, что из истории XX века мы можем извлечь немало полезных уроков. Будучи свидетелем и даже участником многих общественных дискуссий, хотел бы выразить уверенность в том, что настоящий ученый умеет сохранять безпристрастность по отношению к любому историческому персонажу или периоду, а дилетант будет пытаться подверстать историю под свои представления, под существующие в его голове штампы и стереотипы, даже когда все это прямо противоречит историческим фактам. Цель первого — обогатить своих слушателей и стимулировать диалог, цель второго — добиться признания своей позиции, даже если она защищается по принципу «если факты противоречат теории, тем хуже для фактов». Следствием подобного подхода часто становится разделение людей и противопоставление их друг другу. Василий Осипович Ключевский как-то отметил, что «история — это надзирательница, которая ничему не учит, но жестоко наказывает за незнание уроков». Продолжая мысль этого выдающегося отечественного историка, хотел бы добавить: невежество в истории делает человека легко манипулируемым, склонным к односторонним оценкам и искажению фактов».

«Отличительными особенностями истории и культуры нашей страны являются многовековой опыт добрососедства, межнационального и межрелигиозного диалога, согласие народов, объединенных в историческую Русь. Представляется, что наша национальная

Фото на память с парламентариями России

культура немислима без стремления к народному единству, справедливости и миру. Именно поэтому столь болезненно мы переживаем любые нестроения в жизни народов, объединенных с нами общей историей и духовно-нравственными ценностями», — напомнил Предстоятель Русской Церкви.

Святейший Владыка убежден, что «невозможно понять душу и мотивы поступков русского человека без глубокого изучения российской истории. События Крещения Руси, когда великий князь Владимир поставил христианские ценности в центр жизни народа и государства, стали основанием для формирования нового общества на просторах Руси — общества, построенного на стремлении к небесному, к высоким духовным идеалам, к живому и непрерывному поиску Бога. Конечно, историки-прагматики сказали бы также, что христианизация нашей страны впоследствии послужила также формированию единого государства, дальнейшему развитию государственной системы. Но на мой взгляд, основополагающим является то, что христианские духовно-нравственные ценности легли в основу самосознания и национальных культур многих народов исторической Руси».

«Что же составляет основу мировоззрения нашего народа? Что русский человек считает приоритетом в своем отношении к миру? Прежде всего — это отношение к ближнему. Человек, открытый к своему ближнему, готовый к самоотвержению, способен на совершение подвига. Важное место в мировоззрении нашего народа занимает еще один евангельский идеал — идеал целомудрия. А что же это такое? Церковь учит нас, что целомудрие есть в первую очередь «здравый (то есть целостный) образ мыслей», направленный на сохранение и укрепление целостности человеческой личности. А в чем заключается эта целостность? Целостность заключается в единстве с Божественным замыслом о человеке и мире. Иными словами, цельный человек стремится выстраивать свою жизнь в соответствии с Божественным законом. Почему это так важно? Как не устоит то царство, которое разделится в себе, так не устоит и та личность, которая внутренне разделена противоречиями, конфликтами, двойной жизнью, лицемерием и ложью. Это все трещины на человеческой личности. Здание может стоять долгие годы, и вдруг — землетрясение. Если здание целостное, если конструкция не повреждена, то оно выдержит. Точно так же и наша человеческая жизнь. Пока все спокойно, вроде ничего и не происходит. И вдруг землетрясение, которое сотрясает нашу личную, семейную, общественную, государственную жизнь, — и тогда рушатся личности дезинтегрированные, лишённые целостности. Поэтому, когда мы говорим о целомудрии, мы говорим не только о личной этике. Мы говорим о чем-то гораздо большем — о способности человека оставаться человеком и осуществлять свою высокую миссию вне

зависимости от потрясений исторического контекста».

«А почему мы говорим об этом именно сейчас? Да потому что целостность человека — это залог его жизненного успеха и нравственного совершенствования, — подчеркнул докладчик. — Происходящее в этих стенах законотворчество призвано иметь своей целью защиту духовной и культурной самобытности нашего народа, его мировоззрения и представлений о справедливости. Думается, что главная забота ответственного политика должна состоять в создании условий для защиты человеческой личности, обеспечения ее духовно-нравственного развития и соответствующего развития общества, особенно в условиях навязывания ложных ценностей».

Сегодня мы видим очевидные трансформации в отношениях между народами и государствами. Не хотел бы давать категоричных оценок происходящему в мировой политике, однако убежден, что будущее международные отношений зависит от трезвой оценки всеми участниками вызовов, ставящих под угрозу мир и само существование человека. Ни для кого не секрет, что получивший в наши дни заметное распространение религиозный фундаментализм связан с комплексом очень различных факторов. Не последним из них являются попытки навязывания антирелигиозных систем — враждебных, агрессивных, радикальных, которые нередко провоцируют ответный радикальный религиозный ответ. Мы с сожалением отмечаем факт агрессивной эксплуатации религиозных чувств в разных странах мира. Экстремизм и терроризм под религиозными лозунгами, являясь плодом такой эксплуатации, стали инструментами политики, что только усугубляет проблемы и отдаляет мировое сообщество от преодоления существующих разделений», — считает Святейший Патриарх.

«Ситуация в международных отношениях не оставляет равнодушным никого».

Сегодня Русская Православная Церковь и другие традиционные религии используют все свои возможности и авторитет для объединения здоровых сил общества в борьбе за мир и справедливость. Лидеры мировых религий совершенно единодушны во мнении о том, что попытки политического манипулирования в мировоззренческой сфере совершенно недопустимы. В этом суждении мы опираемся на наш богатый исторический опыт.

Как вы знаете, в прошлом году состоялась моя встреча с главой Римско-Католической Церкви Папой Римским Франциском. Значительная часть нашей встречи была посвящена возможным усилиям на мировой арене с целью достижения мира между народами. Однако не менее важными нам представляются вопросы общественной нравственности, от которых напрямую зависит будущее всего мирового сообщества. Мы открыто заявляем: вторже-

БЕЗ ИДЕЙНОГО СТЕРЖНЯ»

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в стенах российского парламента

ние нигилистически и откровенно антирелигиозно настроенной политики в сфере личной и семейной нравственности чревато деградацией общества и способно привести к катастрофическим последствиям.

Популярный в некоторых государствах принцип зависимости общественной жизни от диктата различного рода меньшинств приводит к ценностной дезориентации многих людей, принятию ими на себя нравственно сомнительных или асоциальных моделей поведения. Культ потребления, в основе которого лежит стремление к максимизации удовольствия, до неузнаваемости меняет человека, превращает образ и подобие Божие в бездушный механизм по борьбе за материальные блага и услуги. И самое страшное происходит тогда, когда этот культ проникает в сферу живых человеческих чувств, как, например, любовь или дружба, и привносит в эти высокие чувства потребительское отношение по принципу «ты мне — я тебе», а если нет такого обмена, то нет ни любви, ни дружбы.

На эти и многие другие современные вызовы лидеры мировых религий стремятся дать достойный убедительный ответ, показывая пример взаимоважного диалога и совместного поиска механизмов защиты традиционных ценностей. Я бы хотел еще раз поблагодарить моих собратьев — руководителей и представителей традиционных религий России — за то, что межрелигиозный диалог в России являет нам такой пример. Этот диалог не предполагает богословских компромиссов, его участники продолжают оставаться на своих вероучительных позициях, но общее понимание угроз традиционным ценностям помогает сплотить силы для совместного противостояния злу. Полагаю, что парламентарии и все государственные деятели призваны возвыситься над идеологическими и политическими разногласиями и, прежде всего, находить в себе силы для совместной плодотворной работы во благо общества и будущих поколений.

Каждый из вас был избран народным волеизъявлением и несет ответственность за осуществление чаяний избравшей его части общества. На вас возлагаются большие надежды: люди ждут, что при вашем участии будет облегчена их жизнь, созданы условия для удовлетворения базовых потребностей: в жилище, в возможности честно трудиться, получать за это справедливое вознаграждение, создавать семью, растить и обучать своих детей. Служение народу — это всегда огромная моральная ответственность для того, кто облечен властью, и на этом пути очень важно вовремя отсекал чрезмерные личные пристрастия или так называемые корпоративные интересы, если они противоречат интересам народа, общенациональным интересам.

Конечно, законотворчество находится в определенной зависимости от человеческого фактора, из-за этого не

лишено ошибок и неточностей. В работе над такими ошибками, в процессе разработки новых норм законодательства, необходимо проявлять мудрость, взвешенность, рассудительность, остро чувствовать нужды других людей, их проблемы и заботы.

Как и любой человек, парламентарий подвергается искушениям в своей работе. Медийный эффект и цитируемость далеко не всегда являются реальным показателем качества. К сожалению, иногда информационные инструменты используются исключительно для создания внешнего образа государственного деятеля, его популяризации, однако печально, если за внешним образом скрывается пустота или, что еще хуже, безразличие. Поверьте, люди все прекрасно видят. Я очень люблю общаться с простыми людьми, и иногда заходит разговор о политике и политических деятелях. Я в буквальном смысле слова потрясен оценками, которые люди дают политическим деятелям. Всякий, приходящий на службу народу, должен осознавать это. Со временем, в силу разных трудностей и обстоятельств, в человеке может произойти личностная трансформация или переоценка ценностей. В этот момент важно найти в себе силы быть честным перед собой и теми, кто возлагает на вас свои надежды.

Пожалуй, — продолжил выступающий, — одно из самых серьезных искушений государственного служения любого уровня — это коррупция. Хотел бы особо подчеркнуть: Православие несовместимо с нравственным релятивизмом, одним из проявлений которого в современном обществе является коррупция. Коррупция — это тяжелая духовная болезнь. Невозможно быть по-настоящему верующим, ходить в храм, участвовать в приходской и даже общецерковной жизни и при этом брать взятки или наживаться за счет нечестных финансовых операций. Бог ждет от нас изменения своей жизни, а не формального пожертвования на церковные нужды. Бога невозможно купить подавнием. Ему нужно исправление человека, чтобы его жертва была символом подлинного покаяния в содеянных грехах. И последнее, что бы хотел сказать. Когда вы сталкиваетесь с проблемой — не упускайте шанса и времени для ее решения. Если сегодня мы упустим благоприятную возможность, завтра и в последующие времена про нас будут говорить: это были пустословы, оставившие решение проблем будущим поколениям».

Также Первосвятытель затронул ряд актуальных вопросов, требующих безотлагательных действий: «Признавая непреходящее значение и высокую ценность жизни как Божиего дара, Церковь неустанно призывает власть и общество к возвращению к нравственному установлению, исключающему возможность лишения жизни нерожденных младенцев. Это не революционное изменение, а возвращение к норме жизни, без которой немислимо счастье женщин и мужчин, невозможно будущее

нашего народа. Жизнь, сохраняемая в материнской утробе, не может быть препятствием к чьему-либо материальному благополучию, — это фантом, это миф. Собственно, здесь определяющую роль играет понимание человеком самого благополучия. Но сегодня в жизни нашего общества, увы, действует циничный принцип: ради личного благополучия многие люди жертвуют жизнями своих потомков.

Мне приходилось неоднократно поднимать данный вопрос на самых разных государственных уровнях, в том числе и в этих стенах, и, слава Богу, мы наблюдаем определенный прогресс. Однако, продолжая получать тысячи писем от верующих с просьбой призвать власти к решению проблемы абортотворчества, прошу вас не оставлять усилий по поэтапному преодолению этого страшного явления. Многие эксперты сходятся во мнении, что одной из причин демографических проблем в нашей стране является экономический фактор, несогласованность системы социального обеспечения. Полагаю, нам всем, обществу и властям, необходимо сообща выработать целый комплекс мер поддержки материнства и детства, найти новые механизмы, содействующие сохранению зачатой жизни.

Разумеется, жизнь ребенка ценна не только в материнской утробе. Огромную важность имеет вопрос повышения уровня доступности образовательных учреждений и организации образовательного процесса, и не только в рамках программы средней школы. Я вспоминаю то время, когда в стране были бесплатные кружки, спортивные секции, которые отвлекали детей и молодежь от дурных поступков на улице, от влияния неблагоприятной среды. Нам нужно делать все более и более доступной внеурочную занятость наших детей.

Создание условий для уменьшения количества абортотворчества предполагает поощрение многодетности, в том числе материальными средствами. В прошлом году претерпела изменения система взимания налога на имущество физических лиц. Действующей редакцией Налогового кодекса установлено 15 категорий граждан, освобождаемых от уплаты налога на недвижимость. Многодетным семьям, к сожалению, не нашлось места среди льготных категорий. Мне известно, что на местном уровне органы власти могут установить льготу по этому налогу для многодетных, но этим правом воспользовались всего лишь несколько регионов. Укрепление семей, в том числе материальное, — это общенациональная задача, и поэтому я призываю пересмотреть список льготных категорий граждан на уровне федерального закона, добавив туда многодетные семьи с невысоким достатком», — предложил Святейший Патриарх Кирилл.

«Сейчас в России действует норма о неприкосновенности единственного жилья должника, на которое не может быть обращено взыскание кредитора. То есть человека, задолжавшего деньги, невозможно выселить на улицу. В настоящее время звучат предложения пересмотреть эту норму, дав право судебным приставам продавать квартиры должников, у которых жилплощадь больше нормы на человека. А им оставлять только положенный минимум квадратных метров после реализации квартиры с торгов. Убежден, что подобные изменения нравственно недопустимы, ибо подобные действия могут привести к тому, что в конечном итоге человек, и так запутавшийся в сложных обстоятельствах, окажется на улице — а это прямой путь к опасному социальному образу жизни, который ведут все бездомные люди», — предостерег Первоиерарх.

«Многие семьи в нашей стране пострадали от так называемых микрокредитов. Я знаю, что вы хорошо владеете этой темой, но считаю своим долгом тоже сказать несколько слов. Мелкие

кредиты, краткосрочные займы предоставляются чаще всего малообеспеченным людям, которым 3-5 тысяч не хватает до зарплаты. Они берут кредит, не понимая, в какую долговую яму ввязываются. Эти займы предоставляются без формальностей, но под огромные проценты, доходящие до нескольких сотен. Полагаю, что это абсолютно аморальная практика — ростовщичество в самом хищническом своем проявлении, — возмущен Святейший Патриарх. — Нередко подобные кредиты даются страдающим алкогольной или наркотической зависимостью. Семьи этих людей впоследствии сталкиваются с необходимостью оплаты огромных набравших за год сумм, в том числе за счет продажи своего имущества. Призываю Государственную думу поставить законодательную преграду на пути финансовых спекулянтов подобного рода. В дореволюционной России людей, которые наживались за счет бедняков, метко называли мироедами. Подобные «бизнесмены» не могут быть названы иначе, чем мироедами, своей жадностью подрывающими саму идею общественной справедливости. Мне известно, что уже предпринят ряд мер по ограничению деятельности микрофинансовых организаций. Полагаю, эта работа должна быть продолжена. Взимание огромных процентов усугубляет общественное разделение и должно быть остановлено силой закона, который еще со времен античности называется искусством добра и справедливости. При этом потребности людей в получении небольших займов должны быть удовлетворены без их процентного ограбления в существующих масштабах. Мне приходилось в свое время принимать участие в работе международных организаций, и я хорошо знаком с замечательными инициативами по созданию банков для бедных в Индии. Иногда человеку достаточно 200 долларов, чтобы начать свое дело. И вот нашелся человек, сам из бедняков, который создал прекрасную систему банков для бедных — без сумасшедших процентов, без того, чтоб закалывать людей. Эта инициатива была очень высоко оценена всеми, с кем мне приходилось ее обсуждать, и я считаю, что, может быть, следует ознакомиться с этим замечательным опытом поддержки малоимущих, в том числе через систему кредитования».

«Одной из проблем, порожденных развитием новых технологий в сфере общественной жизни, может стать безработица. Неизбежная и скорая автоматизация и роботизация многих производственных и аналитических процессов, по мнению ряда исследователей, может привести к массовым сокращениям наемных работников уже в среднесрочной перспективе. Мы не призываем к тому, чтобы остановить прогресс, но в центр экономического или технологического развития необходимо ставить человека, а не исключительно рентабельность производства. Возможно, что скорое развитие информационных технологий и внедрение автоматизации в разные сферы жизни — от общественного питания и торговли до аналитических процедур и даже сферы искусства — потребует от государства серьезного пересмотра социальных обязательств. Знаю, что на этот счет существуют разные точки зрения, кроме того, не хочу заниматься футурологией. Но ясно, что каких-то серьезных изменений нам не избежать в относительно недалеком будущем».

Предстоятель Русской Церкви попросил депутатов Государственной думы «со вниманием отнестись к высказанным озабоченностям. Эти озабоченности выражает огромное количество людей — они передаются нам через наши приходы, монастыри, через наших прихожан, от многодетных, престарелых, нуждающихся. Это действительно чаяния народа, лишённые какой-либо политической составляющей».

РАССКАЗ

Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него. И вот некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом и, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать и говорили, что Он зашел к грешному человеку; Закхей же, став, сказал Господу: Господи! Половину имения моего я отдаю нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее (Лк. 19, 1-10).

Я хотел бы выделить в истории с Закхеем три момента, особо подчеркнув один.

Закхей страстно желает увидеть Христа. Подобное стремление со стороны мытаря свидетельствует: несмотря на то, что по закону Божию его жизнь недостойна, что она недостойна его как человека, Закхей сохранил в глубине души чуткость к истине, красоте, человеческому измерению вещей, а потому он способен встретиться с Богом, с Его измерением. В своем страстном желании увидеть Христа лицом к лицу он сталкивается с двумя трудностями: он мал ростом и потому ему надо найти какой-то способ привлечь взгляд Господа, а это может выставить его на посмешище. Он мал ростом - ему придется влезть на дерево.

Разве все мы не малые люди, затертые толпой и лишённые возможности видеть? Не приходится ли каждому из нас время от времени взбираться на несвойственную нам высоту: мы перерастаем себя, хотя остаемся такими же малыми и нищими, какими были? И разве не рискуем мы стать предметом удивления и насмешек в тех случаях, когда пытаемся стать выше, чем есть на самом деле, чтобы оказаться лицом к лицу с Богом? Больше всего в нашем поиске Бога нам мешает боязнь быть осмеянными. Наша гордость, упрямство, стремление к самоутверждению выстоят против резкой критики и прямых нападок, выдержат неприязнь и отвержение. Но перенести насмешку чрезвычайно трудно. Этой главной проблемы я и хочу коснуться.

Но сначала позвольте мне отметить третий момент в истории Закхея. Когда Христос входит в дом Закхея, Его встречают там с почтением и радостью. Благоговение перед Богом, радость о Его присутствии ясно проявляется в жизни Закхея истинностью его обращения, раскаянием на деле, μετανοία, что означает совершенно новое направление жизни. Благодаря тому, что он встретил Бога и эта встреча пробудила в нем жизнь и радость, благодаря тому, что его изуродованная душа распрямилась в полную меру его человечества, до глубины примирилась с Богом, Закхей отвергает свое прошлое. Он готов выправить всю неправду; актом доверия к Богу, актом веры он стремится начать новую жизнь, свободную от прошлого. Все это признает Христос, когда говорит: и он сын Авраама, то есть он принадлежит к роду тех, кто способен верить, - не легковерно, а с полной самоотдачей. Вот почему ныне пришло спасение дому сему.

Но вся ситуация зависит от одного обстоятельства, которое могло бы сломить намерение Закхея, - это смех толпы. Отцы Церкви настойчиво говорят нам, что очень часто начать новую жизнь мешают

нам не притягательность зла, с которым мы свыклись, и не противодействие, с которым мы можем столкнуться, а страх быть осмеянными. Я хочу развить этот момент. Я - тюремный священник; помню, один заключенный сказал мне: «Вы не представляете, какая это удача - быть пойманным и выставленным на позор, когда собираешься начать новую жизнь. Сколько раз я пытался бросить воровство и всякий раз отступал из-за насмешек приятелей. «Что, - говорили они, - решил остепениться? Готов продать свою свободу - свободу человека, который выступает в одиночку против этого гнилого общества?» Как только этот человек попался и угодил в тюрьму, он вышел из-под влияния своих друзей и почувствовал, что может начать все сначала. Прежде, стоило ему попытаться переменитьсь, честные люди, которые не знали, что он вор, задавались вопросом: «Что с ним? Он меняется, а раз так, значит, что-то было в нем неладно». В вечном страхе, что его вот-вот раскроют, боясь, что его дурное нутро обнаружится именно потому, что забрезжило доброе начало, он был рад, что его наконец разоблачили: он чувствовал, что теперь ничто ему не мешает меняться; скрывать больше нечего, и он может стать новым человеком.

Как часто страх перед мнением других людей мешает нам измениться, даже тогда, когда мы вполне готовы к перемене, готовы сделать первый шаг, потому что этот шаг сразу выдаст наше прошлое. И гораздо сильнее, чем самое строгое порицание, нас пугает насмешка.

Представьте себе такую сцену. Богатый человек, вроде нынешнего управляющего банком, с солидным положением в маленьком городке, хочет видеть Христа. Он протискивается сквозь толпу; такой коротышка, как он, уже представляет довольно забавное зрелище. И он влезает на дерево. Можете представить себе, чтобы управляющий местным банком вскарабкался на дерево на центральной площади города, чтобы увидеть бродячего проповедника? Конечно, в его адрес понеслись насмешки, язвительные замечания, свист. Вероятно, это было самое большое испытание веры Закхея. Стать учеником Христа, быть из-за этого отвергнутым друзьями и семьей, безусловно, акт высокого мужества, но чтобы он, местная знаменитость, словно уличный мальчишка, забрался на дерево - это нечто совсем иное и гораздо более трудное. Разве не опасение, что первый же шаг выставит нас в смешном виде, так часто мешает нам следовать за Христом? «Где же твое свободомыслие, что ты вдруг решил отступить перед устаревшими идеями? Ты - тот, кто утверждал, что имеешь право поступать, как тебе вздумается, кто бросил вызов Богу? И - на тебе, вдруг стал Его рабом? Ты никогда не страшился человеческой молвы, что же ты испугался и готов покориться закону?» Не слышится ли в этих словах реакция наших друзей на наше обращение?

Существуют только два способа преодолеть тщеславие, эту зависимость от общественного мнения: либо гордость, либо смирение. Третьего пути нет. Тщеславие сделало Закхея мелким человеком, оно и нас делает мелкими перед Богом и людьми. Тщеславие имеет две отрицательные черты: с одной стороны, тщеславный человек полностью попадает в рабскую зависимость от чужих оценок. Совесть его замолкает перед голосом толпы, Божие суждение исключается. Бог незримо, ненавязчиво стоит вдалеке, а толпа крикливо и самонадеянно требует подчинения, соответствия общепринятым меркам. Зависимость от общественного мнения сводит на нет совесть и Божие суждение. С другой стороны, самое унижительное в тщеславии то, что людей, от мнения которых мы зависим, мы даже

Икона встречи Иисуса с Закхеем

не уважаем. Чернь, одобрения которой мы так горячо ищем, которой мы так боимся, мнения которой опасаемся, это далеко не собор святых Божих. В ее среде нет даже просто людей, способных произнести справедливое суждение или отстаивать истинные ценности. Мы подчас с презрением слушаем их толки о других людях и все же страшимся их приговора. Вспомните, сколько мы делаем в жизни, оглядываясь на «свет», беспокоясь, хорошо или плохо о нас подумают. Если бы мы хоть на мгновение задумались, мы бы увидели, что тех самых людей, чье одобрение или осуждение нас так волнует, мы вовсе не считаем рассудительными. И, однако, мы дрожим под их испытующим взглядом и ищем одобрения, которое столь поверхностно и мелко. И выходит, что все мы идем путями жизни с протянутой рукой, кланча, словно жалкий грош, одобрительную улыбку или взгляд. Я сейчас описал людей, от которых мы ожидаем милости; но какова она и каким путем мы ее получаем? Не тем ли, что соглашаемся жить притворством в искаженном мире, где иллюзорность подменила реальность?

Тщеславие не только лишает истинного содержания то, чем мы обладаем; оно отнимает у нас и то, что мы действительно имеем. Есть рассказ из жизни отцов пустыни об одном монахе, который жил в большом монастыре и, как говорит его жизнеописатель, суровым подвигом и с помощью Божией стяжал девять добродетелей. Однако в своей ревности о большем совершенстве он стремился приобрести и десятую добродетель, но, несмотря на все усилия, ему это не удавалось. Вместо того, чтобы испытать, что влечет его добиваться большего и нет ли в нем какой-то слабости, которая стоит препятствием на его пути, он решил оставить свой монастырь, где, как ему казалось, условия не способствовали его стремлениям. Как только он вышел из кельи с намерением никогда более туда не возвращаться, то небольшое смирение, которое он приобрел, покинуло его и тщеславие охватило его душу. Он побывал в девяти монастырях, но уходил из каждого, считая, что пребывание там не помогает ему стать святым. Но каждый раз, покидая очередную обитель, он выходил оттуда беднее, чем был при вступлении в нее. Сначала он утратил терпение, затем бдение, затем воздержание, дальше послушание, самообладание, кротость, и так далее; тщеславие его все росло, гордыня все более охватывала его, а с ней - вспыльчивость, гневливость, расслабление, своеволие и самонадеянность, ожесточение сердца. И когда он обошел девять монастырей, от его первоначальных добродетелей ничего не осталось: незначительная сперва примесь тщеславия и гордости совершенно вытеснила все добродетели.

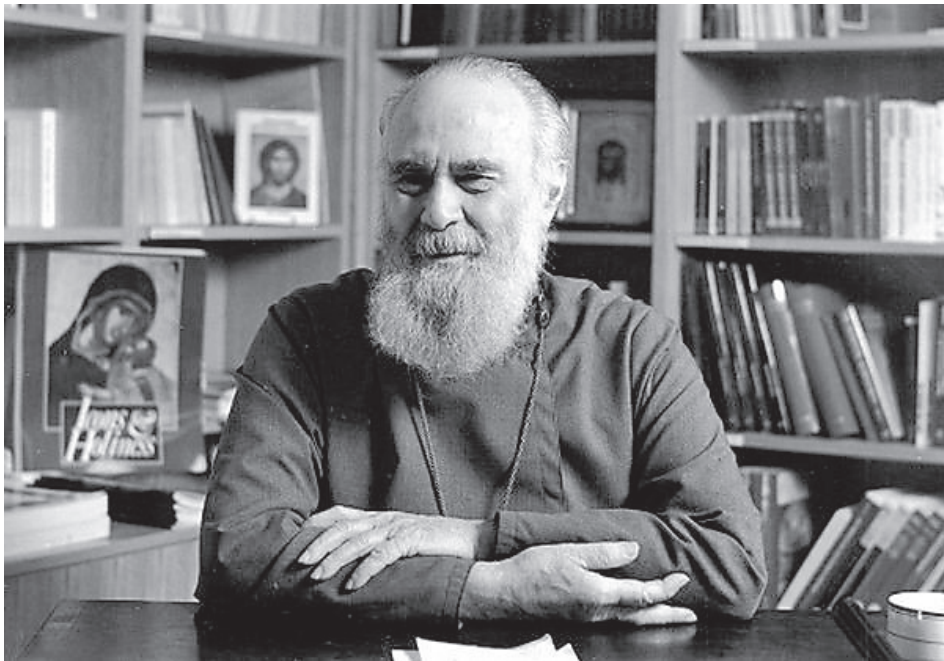
Тщеславие разрушительно еще тем, что ему свойственно обольщать обманчивой видимостью. Христос испытывает

сердце человека, Он отмечает подчас вполне убедительную очевидность, проникает вглубь видимого. Понять это помогут два примера. Когда после Своего воскресения Христос встретил Петра на берегу Тиверидского озера, Он не стал укорять его за отступничество и не потребовал подробной исповеди. Он задал Петру прямой вопрос: Любишь ли ты Меня больше, нежели они? (Ин. 21, 15). Будь Петр внимательнее, его бы озадачили три последние слова: больше, нежели они. Возможно, он вспомнил бы слова Христа: У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а - другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? (Лк. 7, 41-42) Ведь он сам ответил: Думаю, тот, которому более простил... Если бы он немного подумал, он, наверное, как блудный сын, пришел бы в себя; но Петр нетерпелив, горяч и непосредствен и действует прежде, чем дать себе время подумать. Он отвечает от всего сердца: Ты знаешь, что я люблю Тебя... Любишь ли ты Меня? - вновь спрашивает Христос. Так, Господи, - отвечает Петр. Любишь ли ты Меня? - в третий раз вопрошает Господь. И внезапно Петр понимает! Он уже слышал подобный трехкратный вопрос во дворе первосвященника, в ночь, когда Христос был предан; трижды его спрашивали, и трижды он отрекся от Христа. Слова Христовы «больше, нежели они»; звучат грозно: кто теперь поверит, что Петр любит Его? Они сулят осуждение, а не надежду. И отчаянно понимая, что вся очевидность свидетельствует против него, надеясь вопреки всякой надежде, Петр восклицает: Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя! (Ин. 21, 17) И Христос - Бог, Который, безусловно, знает сердце человеческое - знает, что Петр любит Его, Он отмечает всякую очевидность и обращается к сокровенному сердцу человеку (1 Пет. 3:4): «Иди за Мною» (Ин. 21, 22).

Подобным же образом Христос верит женщине, взятой в прелюбодеянии. Он не нарушает закон, но прозревает сквозь очевидность. Бывши блудницей, она заслуживала побиения камнями; теперь эта женщина способна войти в Жизнь вечную. Она более не грешница, застигнутая на месте преступления; теперь она знает то, чего не знала и не понимала раньше: что грех - то же самое, что смерть. Если только ей будет дарована жизнь, она никогда не забудет этой страшной истины: что грех убивает. Женщина, совершившая прелюбодеяние, умерла в ней. Та, что с ужасом ожидает побиения камнями, совсем другая. Вот эту другую, свободную и воскресшую, Христос и отпускает в новизну жизни. Он увидел ее сердце, обратился к ее глубинному «я», и очевидность превзойдена не жалостью, а большей истиной.

Как я уже сказал, существует только два пути для преодоления чувства раб-

О ЗАКХЕЕ

Митрополит Антоний Сурожский

ской зависимости от чужого мнения: либо гордыня, либо смирение. Смирение может принять форму равнодушия и к хуле, и к похвалам от людей, предстояния лишь перед судом Божиим и собственной совестью. Об этом говорится в рассказе о монахе, который хотел узнать, как следует отзываться на похвалу и порицание. Духовный отец велел ему отправиться на кладбище и хулить мертвецов. Тот так и сделал, а когда вернулся, наставник спросил, как вели себя покойники. «Никак, - ответил монах, - они хранили молчание». - «Ступай теперь и превозноси их», - велел старец. А когда ученик сообщил, что кладбище осталось безмолвно, как и прежде, старец сказал: «Поступай, как мертвец». Человеческое суждение больше не задевает их, потому что отныне они пребывают перед очами Божиими».

Есть и такая форма смирения, которая является плодом погубленных тщеславием подвигов. Ее иллюстрирует заключение истории монаха с девятью добродетелями. Лишившись всего, чем обладал, он пришел в один монастырь, пав духом и оплакивая все случившееся. По внимательном испытании своей души он решил отныне уповать только на Господа. Подробно исповедавшись Богу, он записал все проявления тщеславия и гордыни, которые привели его в столь плачевное состояние, и спрятал листок в пояс. Он остался в монастыре, и, когда искушения нападали на него, доставал листок и, прочитав его, укреплялся против дьявола. Братия поразились его мирному устроению; никакие ссоры, волнения и неурядицы не могли нарушить его невозмутимость. Тогда они заметили, что всякий раз, как на него нападают внешние или внутренние искушения, он достает из пояса бумагу и тут же обретает покой и крепость. «Он, наверное, колдун, - говорили братия, - и носит в поясе обаяние». Они пожаловались настоятелю и просили изгнать его из обители; но тот решил выяснить, что это за бумага, и ночью, пока монах спал, вытащил и прочел его записку. Утром он сказал братии, что сейчас прочтет ее вслух. Монах, испугавшись, что братия расценит как добродетель осознание им былых прегрешений, умолял настоятеля хранить молчание. Настоятель же, понимая, сколь многому это может научить монахов, велел читать. Услышав написанное, братия поклонились до земли и сказали: «Прости нас, брат, ибо мы согрешили против тебя». Если уж мы прислушиваемся к голосу окружающих, то это следует делать лишь ради того, чтобы услышать голос Божий. Смирение - одна из самых мужественных евангельских добродетелей, мы же умудрились превратить его в жалкое свойство раба. Мало кто хотел бы быть

смирненным, потому что смирение представляется людям отвержением человеческого достоинства. То же относится к послушанию: мы хвалим ребенка за послушание, тогда как на самом деле он проявляет покорность и лишен собственной воли; мы очень редко интересуемся, что же у него на сердце, и слишком легко принимаем бляющую овцу за овцу стада Христова. Прослыть смирненным, послушным, кротким воспринимается чуть ли не как оскорбление. Мы больше не видим высоту и силу этого состояния.

Карикатура на смирение, которую мы знаем по опыту или сами являем собой, состоит в том, чтобы в ответ на похвалу лицемерно утверждать, что мы ее не заслуживаем; когда же нас не замечают, мы привлекаем к себе внимание, настойчиво твердя, что мы не в счет и о нас не стоит беспокоиться. Истинное смирение рождается от видения Божией святости, мы же часто пытаемся заставить себя почувствовать смирение, искусственно умаляя себя. Помню, в одном из московских храмов я видел икону: на престоле изображен Господь в полный рост, а у Его ног распростерты две крошечные, размером с мышь, человеческие фигурки. Если вы были воспитаны в христианском «благочестии», вы увидите в этом лишь разницу в пропорциях между Богом и человеком. Но если вам неведом этот язык, если вы просто пришли извне и увидели эту икону, вы скажете: «Ну нет, это не для меня. Я человек, а не мышонок, и не намерен ползать у ног этого Бога, восседающего на троне. Я хочу стоять перед Ним в рост, я не чувствую себя таким ничтожным, я свободный человек». Если вы читали Священное Писание, вам ясно, что вы правы и что именно Христос Бог показал человеку его величие и Сам утвердил его достоинство, сделавшись Сыном Человеческим. Если мы хотим узнать, что такое человек, мы должны взглянуть на Христа, Каким Он предстает в Евангелиях, на Христа в Гефсимании, на Кресте, Христа Воскресшего, на Сына Человеческого, сидящего одесную Славы Отчей. Нам незначит умалять себя, делаться ничтожными, дабы возвеличить Бога. Бог запрещает нам это. А если мы так поступаем, то достигаем не смирения, а унижения, которое не дает нам жить достойно Царства Божиего и нашего человеческого призвания. Как можем мы в одно и то же время пасть ниц к ногам Божиим и стать причастниками Божеского естества (2 Пет.1, 4)? Как можем мы простираться перед образом Божиим - и говорить: «Я живой член этого Тела, Глава которого - Сам Бог во Христе»? Как можем мы сжаться у ног Божиих, когда знаем, что мы - храм Духа Святого, место Его присутствия? Можем ли мы смотреть на себя как

на что-то мелкое и незначительное перед Богом и, однако, говорить вместе со святым Иринеем Лионским, что в Единородном Сыне мы призваны Духом Святым быть единородным сыном, «всцелым Христом», totus Christus, и что слава Божия - это человек, полностью осуществленный?»

Таким образом, смирение вовсе не заключается в постоянном усилии принизить себя и отвергнуть человеческое достоинство, которым Бог наделил нас, которого Он требует от нас, потому что мы Ему дети, а не рабы. Как видно на примерах святых, смирение не рождается в них единственно из осознания греховности, потому что и грешник может принести Богу сокрушенное, кающееся сердце, а одного слова прощения достаточно, чтобы изгладить все зло, прошлое и настоящее. Смирение святых происходит из видения славы, величия и красоты Божией, смирение рождается даже не по контрасту, а из сознания, что Бог настолько свят, из откровения такой совершенной красоты, такой поразительной любви, что единственное, что остается сделать в Его присутствии - это пасть перед Ним в благоговении, радости и изумлении. Когда святую Терезу охватило яркое переживание всепоглощающей любви Божией к нам, она пала на колени со слезами радости и изумления; поднялась она уже новым человеком; видение любви Божией оставило ее в «сознании неполатного долга». Вот подлинное смирение - а не уничижение.

Не испытываем ли мы чувства глубокого смирения, когда кто-то любит нас - что всегда бывает незаслуженно? Мы ведь знаем, что любовь нельзя заслужить, купить, добиться силой, - мы получаем ее как дар, как чудо. В этом начало смирения. «Бог любит нас даром», - говорит святитель Тихон Задонский.

Смирение - это такое положение, когда человек стоит перед лицом Бога, Который его видит, и перед лицом человека, который этого и не замечает; смирение совершенно естественно ищет самого низкого положения, как вода сама уходит в глубины. Смирение означает полную открытость Богу, отдачу себя в Его волю, готовность все принять от Него - из его рук или через посредство других людей, без громких слов о своем ничтожестве, потому что смирение - не самоуничижение, а просто предстояние Богу в изумлении, радости и благодарности.

Это единственный способ освободиться от страха общественного мнения, от рабской зависимости, которая не дает нам найти в себе мужество и изыскать возможность перемениться, поскольку мы выбрали критерием поведения человеческие ценности. Как только мы освобождаемся от этого, мы остаемся наедине с совестью, где ясно звучит голос Бога, провозглашающий суд Божий, дарующий нам силу начать жить в полную меру и свободно. Мы знаем, что это нам доступно, потому что бываю моменты, когда каждый из нас вдруг перестает зависеть от общественного мнения, - моменты глубочайшего опыта, когда мы становимся подлинными, вырастаем в полную меру своего человечества. Мелочность тогда спадает с нас, словно шелуха, и развевается. Когда нас охватывает большое счастье или когда горе пронзает наше сердце, когда мы полностью захвачены каким-нибудь внутренним переживанием, мы забываем - хотя бы на одно мгновение - о том, что могут о нас подумать люди. Когда мы узнаем о смерти близкого нам человека и охвачены скорбью, нам безразлично, одобряют ли нас окружающие. Когда после долгого отсутствия мы встречаем того, кого любим, мы, не задумываясь, бросаемся в его объятия, нисколько не беспокоясь, что толпа сочтет наше поведение нелепым.

Все это оказалось возможным для Закхея, потому что он отбросил в сторону всякие человеческие соображения и решил увидеть, и эта решимость позволила ему приблизиться к Богу, пережить опыт откровения Живого Бога. Вот уже тысячелетия каждая человеческая душа ищет этого Бога, Которого встретил Закхей, Живого Бога, столь отличного от застывших образов, какие предлагают всевозможные, сменяющие друг друга религии. В IV веке святой Григорий Богослов сказал, что если бы мы собрали из Священного Писания, из Предания и опыта Церкви все, что человек смог узнать о Боге, и создали бы из всего этого стройный образ, как бы прекрасен ни был этот образ, мы создали бы идола. Потому что как только мы создаем образ Божий и говорим: «Смотрите, вот Бог», мы сразу подменяем нашего динамичного, Живого, неизмеримо глубокого Бога чем-то ограниченным, придаем Ему человеческий масштаб, поскольку всякое откровенное знание должно быть в меру человека; в откровении нет ничего сверх меры, иначе, будь оно бесконечно велико или бесконечно мало, оно бы ускользнуло от нашего понимания. Все, что нам было известно о Боге вчера, не соответствует сегодняшнему или завтрашнему знанию. Я хочу сказать, что я не могу поклониться Богу в пределах того знания о Нем, которое у меня есть в данный момент, оно - граница. Бог, перед Которым я становлюсь в молитвенном поклонении, это Бог, знание о Котором подвело меня к точке, где я могу встретиться с Ним вне человеческих образов и умственных представлений. Я стою перед Неведомым Богом, тайна Которого вечно раскрывается перед нами и Который, однако, остается бесконечно неисследимым.

Чтобы помочь людям увидеть Бога, бесполезно придумывать новые Его образы. Если мы твердим: «Сотни лет назад люди открыли, каков Бог, я вам это расскажу», - люди вправе ответить нам: «Если бы вы это знали, это было бы очевидно». А это не очевидно! Если бы кто-то из нас был действительно откровением Христа, люди могли бы сказать: «Я видел лик Христов». Вспомните отрывок из Послания к коринфянам, где апостол Павел говорит, что Бог просветил нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа (2 Кор.4, 6). Подобное высказывание есть у одного православного подвижника: «Никто не может отвергнуться мира, пока не увидит свет вечно-сти хотя бы на лице одного человека». Если бы мы были подобным откровением, нам не приходилось бы искать множество способов, как бы описать Бога. В «Отечнике» есть рассказ о том, как один великий подвижник встретил трех монахов. Двое из них стали задавать ему бесчисленные вопросы, а третий молчал. Наконец подвижник обратился к нему сам: «А ты разве не хочешь о чем-нибудь спросить меня?» - «Нет, - ответил тот, - мне достаточно смотреть на тебя». Есть и другой рассказ о том, как епископ Александрийский должен был посетить монастырь. Братия просили одного монаха произнести слово приветствия, но тот отказался. «Почему?» - удивились монахи. «Если он не поймет мое молчание, он ничего не поймет из моих слов».

Так открыл Христа Закхей, так Господь говорил с ним, подобно тому, как Он безмолвно говорил с Петром в ночь, когда был взят: Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр, выйдя вон, горько заплакал (Лк.22, 61). Бог, Чей взор проникает глубины, будет судить не по взгляду очей Своих (Ис.11, 31).

Он проникает сердце и испытывает внутренность (см. Иер.17, 10), и Он же раскрывает наши глаза и избавляет нас от фарисейства и самообмана, и спасает нас от порабощения страху человеческому!

Митрополит Сурожский Антоний

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

ПУТЬ К ХРАМУ

Две недели назад архимандрит Георгий (Шестун) стал победителем областного журналистского конкурса на призы Губернатора Самарской области «Золотое перо губернии». Его публикации были признаны лучшими в направлении «Актуальная тема» в номинации «Укрепление духовных ценностей, поддержка семьи, материнства и детства, воспитание патриотизма». Напомним, что отец Георгий является настоятелем Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня близ села Подгоры Волжского района Самарской области; настоятелем монастырского подворья (Троице-Сергиев храм Самары); духовником Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Батюшка также – доктор педагогических наук, профессор, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской духовной семинарии, действительный член РАЕН, член Союза журналистов России; главный редактор журнала «Духовный Собеседник». Кроме того, отец Георгий – председатель редакционного совета нашей газеты, опытный, внимательный пастырь, организатор и духовник казачьего хора «Волжские станичники», знаток и ценитель русской культуры и русской философии, автор множества книг и статей.

Предлагаем вниманию наших читателей беседу с батюшкой в день 25-летия его священнического служения.

– Отец Георгий, сегодня, 2 февраля, исполнилось 25 лет вашей священнической хиротонии, с чем мы вас сердечно поздравляем. А как вы стали священником?

– Мне всегда, и в детстве, и в юности, было трудно планировать свою жизнь. В нашем классе все заранее знали, куда будут поступать, какую профессию обретут. А я очень туманно представлял свой жизненный путь. Учительница математики, наш классный руководитель Александр Ивановна, все время мне говорила: «На физмат пойдешь?» Я ей поддакивал, она давала мне решать дополнительные задачи. И с физикой у меня все получалось. Надо сказать, что учителя были замечательные, и я им очень благодарен. В итоге поступил на физмат пединститута, стал учителем. На четвертом курсе женился на своей однокурснице Ирине. Хотя распределение было всесоюзным, меня оставили в Самаре, в системе профтехобразования, тем более что мы с женой ждали ребеночка. Через два месяца трудовой деятельности меня призвали в армию на Дальний Восток – между Хабаровском и Владивостоком, возле озера Ханка. Служил в артиллерии. Через год вернулся, дочка уже начала ходить. Стал работать в профтехучилище, преподавал физику, был классным руководителем.

Наш знакомый по институту кандидат педагогических наук Николай Михайлович Магомедов в это время собрал группу молодых педагогов и стал готовить нас к защите диссертации.

Архимандрит Георгий (Шестун)

Он спросил меня: «Диссертацию будешь защищать?» На такие вопросы по делу я всегда отвечал «да». Несколько лет работали над диссертацией, и в конце 80-х годов защитил кандидатскую по педагогике. Магомедов в это время стал заведующим кафедрой психологии в университете. Он пригласил, и я стал там преподавать педагогику.

В 1990 году наш заведующий кафедрой предложил ознакомиться с разными религиозными конфессиями и для этого пригласить для беседы православного батюшку, муллу, еще кого-нибудь: «Теперь перестройка, студенты будут все это познать, и нам надо как-то развиваться в этих вопросах».

Поскольку я жил недалеко от Покровского собора, мне поручили привести батюшку. Сразу пошел в епархиальное управление, которое находилось рядом с моим домом – на ул. Садовой, 86. Тогда я почти ничего еще не знал, даже благословение не умел брать. В управлении меня провели к владыке Евсевию. Он сказал, что есть подходящий священник, который может говорить с аудиторией, – протоиерей Иоанн Гончаров. «Через неделю он вернется из командировки и придет к вам. Зайди в собор его предупредить». Церковь тогда только открыла свои врата миру, первые беседы со священниками проходили в библиотеках. И они очень боялись выходить в мир, это было необычно, непривычно. Через неделю в соборе я нашел батюшку. Отец Иоанн как раз вынес крест для целования. Приложился к кресту, и мы договорились о встрече.

Когда в университете узнали, что будет встреча со священником, то собрались преподаватели с нашей и даже с других кафедр – довольно много людей. Интерес к вере был огромный. И вот время настало, а батюшки нет. Выхожу на улицу, смотрю, стоит черная соборная «Волга», а отец Иоанн сидит в ней и не выходит. Видимо, ему непривычно было – все-таки первая встреча в вузе, и он настраивался. Я подошел, и мы вместе поднялись в аудиторию. Запомнилось, что, когда священник вошел, все эти собравшиеся разные-разные люди встали – такое в душе у всех было благоговение. И пошла очень хорошая, полезная беседа, задавали вопросы, потом долго пили чай. Батюшка сказал: «Сегодня я к вам пришел. А по воскресеньям после вечерней службы я провожу беседы в соборе. Теперь вы к нам приходите».

За Божественной литургией

Собралось пять активистов с кафедры, и мы стали ходить. Отец Иоанн – человек хороший, грамотный, проводил интересные беседы. Мы с ним подружались. Но через некоторое время оказалось, что я хожу в собор один.

Мне запомнился такой случай. Вот все ругают наших церковных бабушек. И они действительно в то время были весьма ревностными. Как-то я пришел в собор в один из первых разов, а меня старушка шваброй начала гнать: «Ты чего здесь встал, кто тебя сюда звал?» Поскольку я пришел туда с кафедры педагогики и психологии, не стал горделиво хлопнуть дверью, а просто спросил ее: «За что вы меня ругаете? Что я делаю не так?» Она отвечает: «Ты видишь, где стоишь?» Отвечаю: «Да, тут коврик какой-то». – «А ты знаешь, что здесь священник молебны служит?» Говорю: «Не знал, простите. А где можно стоять?» – «Вон там встань». И поставила меня возле иконы Иоанна Предтечи, на колонне написанной. С тех пор это стало моим местом, когда приходил в храм, всегда там вставал. И та бабушка уже гоняла шваброй других людей: «Уйди, сейчас сюда человек молиться придет!» Оказывается, в соборе у каждого прихожанина есть свое привычное место. С этой бабушкой мы познакомились, ее звали Ниной. Потом, когда я стал священником, она мне помогала петь панихиды, молебны.

Мы стали ходить в собор всей семьей, подружиться с отцом Иоанном, он домой нас пригласил, сам приходил к нам. Церковь стала для нас родной.

В 1991 году перед Рождеством ко мне подошел иподиакон и пригласил в алтарь. Когда вошел, владыка Евсевий спросил: «Вы не хотите нам помогать?» Опять говорю: «Да. Благословите». Мне было 40 лет, я тогда носил довольно длинные волосы и бороду, меня благословили на стихарь, и я, как молодые мальчишки, стал алтарничать.

А за несколько дней до 14 января 1992 года мне сказали, что будут рукополагать:

«Готовься. Нужны ряса и подрясник. С семьей поговори: дело такое – новая жизнь, надо одобрение от них получить».

Собрал я семейный совет, говорю: «Меня благословили быть священником, как вы к этому относитесь?» Супруга Ирина обрадовалась, наверное, больше меня. А старшая дочь Марина спросила: «Папа, если мы с

братом скажем, что не согласны, ты станешь священником?» Я говорю: «Да, стану». – «Тогда мы согласны». Впоследствии моя матушка Ирина стала игуменией Анастасией, а теща Валентина Георгиевна – монахиней Елизаветой. А тогда они взяли выкройку и за три дня своими руками сшили первые рясу и подрясник. Не ели, не пили – шили и успели вовремя. И владыка Евсевий рукоположил меня в диаконы.

ДУХОВНЫЕ НАСТАВНИКИ И СОРАТНИКИ

– И сколько вы были диаконом?

– Три недели. Я попал в удивительную духовную атмосферу. Тогда в Покровском соборе служили священники старой школы, некоторые из них – потомственные пастыри. Все они были в возрасте, их наставниками были люди, выросшие еще до революции. Поэтому они являлись носителями традиции, тянущейся еще из XIX века. По милости Божией я находился рядом с ними год и очень много взял от этих батюшек. Настоятелем тогда был самый молодой из них – отец Иоанн Гончаров. А служили там очень известные в Самаре протоиереи: Константин Сибряев, Олег Бульгин, Василий Рашенко, Николай Фомичев, Иоанн Филев, Николай Одинаркин. Еще служили протоиереи Анатолий и Павел Горностаевы и мой бывший одноклассник протоиерей Владимир Кострыкин. Когда у них были свободные недели, они приходили петь на клирос. Алтарничал уже молодой инок Анатолий. Он корзины синодиков читал, каждый день исполнял монашеское правило.

Для этих священнослужителей настолько естественным было находиться в алтаре, что даже в свои выходные они с утра приходили, вычитывали все синодики, вынимали частички, присутствовали на литургии, и только потом уходили по своим делам.

Удивительные были люди! Так, когда почил отец Николай Фомичев, все бабушки старой части города заплакали. У него была такая особенность: когда он дежурил в храме, то на 2-3 часа куда-то отлучался, потом возвращался. Оказалось, что отец Николай ходил ко всем одиноким бабушкам по очереди – колот им дрова: в старой части города было печное отопление. И старушки переживали, кто им теперь будет помогать.

Все эти старые священники – люди особенные, много пережившие – были настоящими подвижниками. И мне довелось находиться среди них.

В БОГЕ

Ощутил на себе дух нашего русского священства – исключительно внимательный и деликатный. Началось мое диаконовское служение. Что-то у меня получалось, что-то не получалось. Все эти записочки, шпаргалочки, подсказочки у меня выпадали, я их собирал. А батюшки спокойно, сосредоточенно каждый занимался своим делом: кто частички из просфорочек вынимает, кто синодики читает. В мое служение они не вмешивались, но внимательно наблюдали. Стоишь перед престолом, и в момент, когда теряешься и не знаешь, что делать, они все разом подбегают, быстро тебе помогли, подсказали, и опять их нет – каждый выполняет свое послушание. Тогда не было духовных учебных заведений, и собор служил школой для обучения диаконов и священников.

Отцы были такие спокойные, умиротворенные, чувствовали себя в алтаре действительно как в благословенном Отчем доме, без которого была немислима их жизнь.

Их действия уже сложились в определенные традиции. Так, на вечернем богослужении один брал большую просфору и все священники читали синодики. Ни одной непрочитанной записочки не оставляли.

Из университета меня не хотели увольнять среди учебного года. Но я понимал, что в Церковь два раза не зовут. На все уговоры подождать до весны у меня был убедительный довод: «Да я уже диакон, мне сегодня вечером служить надо».

Тогда рукополагались немного раньше меня – отец Евгений Зеленцов, отец Виталий Калашников, позже – отец Александр Урывский. В Церковь пришла молодая смена, правда, некоторым из нас, как и мне, было уже 40 лет.

В ту пору стали возвращать церковные здания. Еще будучи в соборе, отец Николай Одинарник восстанавливал храм Михаила Архангела в п. Запанском, отец Евгений Зеленцов окормлял Иверский монастырь, отцу Виталию Калашникову поручили в здании, которое занимал при советской власти краеведческий музей, возрождать храм в честь мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

НА ПАСТЫРСКОМ ПОПРИЩЕ

2 февраля 1992 года меня рукоположили в священники. Потом отцы часто спрашивали: «Ну как после университетской кафедры просфорочки-то вынимать?» Я отвечал: «Как будто домой вернулся». И это было совершенно искренне.

Владыку Евсевия перевели на Псковскую кафедру, а к нам приехал молодой епископ Сергей. Ему было тогда 40 с небольшим лет. И началась жизнь, когда дореволюционные здания стали изменять свое советское назначение. Меня благословили во Дворце пионеров открывать Духовное училище, ставшее впоследствии семинарией.

«Ты знаешь, как образовательные учреждения работают, давай иди», – сказал мне владыка Сергей.

Было немало трудностей, потому что в 90-е годы Церковь часто агрессивно воспринималась со стороны многих представителей власти. У нас сложился приход, по бумагам здание принадлежало нам, а на деле вернули только помещение храма. И получи-

лось, что это был Дворец пионеров с собственной домовою церковью.

Начали служить литургии, и все сотрудники, кто был против, просто не смогли уже там находиться. Они через год ушли, а еще через год Владыка благословил открыть училище. Это было его большое желание: начать готовить новых священников.

Открыли училище, произвели первый набор, отремонтировали все помещения. Служил там три года – год настоятелем храма прп. Кирилла и Марии Радонежских и два года ректором. Очень многие нынешние монахи, опытные протоиереи, благочинные – это наши выпускники. Сегодня многим известны выпускники первых двух наборов: епископ Фома (Мосолов), игумены Анания (Кудрявцев), Никон (Ратников), Петр (Луканов), Филарет (Еремеев), протоиереи Николай Советкин, Анатолий Урсун и многие другие.

Хлопот было достаточно: хозяйственные дела, воспитание, студенты. Вечно какие-то нестроения. Однажды проснулись, а вокруг семинарии забор за ночь поставили, территорию хотят отобрать – надо срочно принимать меры... Каждый день какое-то неожиданное событие случалось, ощущалось изрядное сопротивление. Даже мечтал: «Господи, дай мне храм, чтобы только молиться, литургию служить! Больше мне ничего не надо». Здоровье стало давать сбои, и Владыка перевел меня опять в собор. Мечта сбылась, ведь в соборе хозяйственными делами заниматься не надо – молись да молись.

Целый год там служил, освободилось время, я немножко набрался сил и стал опыт духовного воспитания и образования как-то перерабатывать. Пришло понимание, что нам в пединституте недодавали многого из того, что всегда было в традиционной педагогике. Стал писать статьи, публиковать, тогда журнал «Духовный Собеседник» уже начал выходить. А потом из этих статей выросла книга «Православная педагогика».

В 1997 году Владыка отправил меня открывать приход в честь Преподобного Сергея Радонежского в Советском районе. С тех пор я здесь – в Троице-Сергиевом храме, так он стал называться после расширения и реконструкции.

Слава Богу, что у меня всегда была замечательная помощница – матушка Ирина. В семинарии, когда я был ректором, она очень многое делала по хозяйству. И за мальчишками следила: кому туфли или рубашка нужны, сама пойдет – купит. Занавесочки вешала, постельки заправляла, уют создавала, в трапезной поваров учила готовить, накрывать столы. Следила, чтобы в доме Божиим было все самое лучшее, красивое. Владыка часто приезжал, и матушка покупала красивую посуду, накрывала белые скатерти, салфеточки, сервировала столы, облагораживала все вокруг. Очень большой вклад этим внесла в культурную жизнь нашей епархии. Поскольку в семинарии собирались все священники, они этот опыт, эту традицию понесли по своим приходам по всей епархии. Знали уже, как встречать Владыку, как хорошо и красиво все устроить.

Здесь, в Троице-Сергиевом храме, в 1997 году была отслужена первая пасхальная утренняя. Пришли наши студенты, пел семинарский хор под

Служба в престольный праздник в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня

руководством отца Никона (Ратникова), тогда еще иеродиакона. Люди молились в здании бывшего хлебного магазина – с незастекленными окнами и местами проваленными стенами, стоя на разбитом бетонном полу, – но радуясь и теплея душой от того, что здесь будет храм.

Через месяц мы уже служили. За это время пристроили алтарь, поставили купола, привели в порядок помещение, застеклили окна, покрыли пол, с Божией помощью сделали многое другое. Часть прихожан Кирилло-Мариинского храма пришли сюда, сразу как-то приняли этот приход как своей, стали помогать. Кто стал вести бухгалтерию, кто помыл. Поэтому мы сравнительно быстро создали приход. В 2000 году Владыка освятил место и стали копать котлован под новый большой храм.

Огромную помощь в укреплении прихода оказал архимандрит Мирон (Пепеляев). В 1998 году он приехал к нам первый раз. Перед этим Владыка благословил нас работать с наркоманами и алкоголиками. Мы создали братство трезвости и группу созависимых. Вскоре поняли, что эти недуги – особый вид одержимости, и здесь поможет только Господь. Тогда стали искать священника, который может отчитывать болящих и страждущих. Мы вышли на отца Мирона, который по благословению старцев Псково-Печерского монастыря и своего правящего архиерея владыки Евсевия начал приезжать к нам. На протяжении 10 лет 2-3 раза в год в нашем храме стали проводиться отчитки. Они показали, насколько бесы взяли власть над людьми. Но практически все наши наркоманы, которые были на отчитках, выжили и стали вести благочестивую жизнь. Это помогло и в воцерковлении людей. Прихожане укрепились в вере, видя, что за душу каждого идет нешуточная борьба не на жизнь, а на смерть. И батюшка Мирон стал нашим духовным отцом, нашим старцем.

Отец Мирон после отчиток каждый день принимал прихожан, беседовал с ними. Как-то он сказал мне: «Вам пора создавать монашескую общину, в приходе есть уже готовые для этого люди». Назвал их поименно. Мы взяли благословение у Владыки, и начались постриги. Затем сложилась монашеская община, и мы с матушкой в один день приняли монашество.

– А для вас это было неожиданностью?

– Неожиданнее всего это было для нашего Владыки. Мы с матушкой пришли к нему, принесли прошение с рекомендацией отца Мирона. Он посмотрел на нас и говорит: «Я подумаю. Приходите через два-три дня...»

Когда через три дня мы пришли, прошения были подписаны.

Мы приняли постриг. Матушка Ирина стала монахиней Анастасией, а ваш покорный слуга протоиерей Евгений – иеромонахом Георгием. Через некоторое время я пришел в монашеском облачении к Владыке в епархиальное управление. Он посмотрел на меня и говорит: «А ты как будто таким и был всегда!»

Здесь очевидно, как Господь вел меня по этому пути. До пострига мне удивительным образом дана была возможность встретиться с великими старцами нашего времени: протоиереем Николаем Гурьяновым, архимандритами Иоанном (Крестьянским) и Адрианом (Кирсановым) из Псково-Печерского монастыря, а также с архимандритом Кириллом (Павловым). Мы как-то подружился с наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Тихоном (Секретаревым). Он приезжал в Самару, когда я был ректором духовного училища. Бывали у нас и монахи из Псково-Печерского монастыря, насельник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Платон (Игумнов), санакарские старцы отец Питирим и отец Иероним. У нас дома побывала блаженная Мария Ивановна Матукасова.

Приняв постриг, в этой церковной жизни мы с матушкой были счастливы. Владыка нас переселил в Подгоры открывать монастыри. Но Троице-Сергиев храм, впоследствии ставший монастырским подворьем, оставил за нами, чтобы были какие-то средства на строительство обителей. Ведь мы приехали в Подгоры фактически на пустое место. Стали создавать женский монастырь. Тогда большой духовный порыв был среди прихожан, и вскоре некоторые стали принимать монашество. Очень быстро сложилась женская община. Параллельно с ней стала складываться и мужская. Когда у нас набралось уже пять монахов, жить в женском монастыре стало неудобно, и мы ушли в лес, на заброшенную пасеку. А через некоторое время нам у святого источника Илии Пророка построил храм в честь Честного и Животворящего Креста Господня Олег Брониславович Дьяченко, который в этом году почил. Мы очень благодарны ему, всегда поминали о здравии, теперь молимся за упокой его души.

И вместо одного монастыря стало два: мужской и женский. Когда они назывались еще скитами, Владыка назначил матушку Анастасию старшей сестрой Ильинского скита, меня – настоятелем мужского скита. Через некоторое время Священный Синод по прошению Владыки присвоил нашим общинам статус монастырей.

(Окончание на стр. 8-9).

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

БОГ УМНОЖАЕТ ТАЛАНТЫ

– **Вы с матушкой приняли постриг в 2004 году?**

– Да. Тогда же Владыка спросил, почему я не пишу докторскую диссертацию, и коротко сказал: «Защищай. Сейчас для семинарии нужны кадры». И так сложилось, что в Самару приехали представители Казанского академического института педагогики и психологии профессионального образования РАО, где я в свое время защищал кандидатскую. Мы вспомнили друг друга, и они пригласили меня на конференцию. Приняли очень хорошо. Посмотрев мою монографию «Православная педагогика», сказали, что это уже готовая диссертация: «Давай поработаем, будем защищать у нас».

Российские мусульмане очень интересуются религиозными вопросами, их интересуют наши подходы. Потому что у верующих людей в атеистическом государстве общие проблемы. Директор института Гузель Валеевна Мухаметзянова стала моим руководителем. Как опытный руководитель, она умело провела подготовку к защите. Гузель Валеевна очень была рада и почла за честь руководить такой диссертацией. Рассказывала, что ее отец окончил медресе, а потом был секретарем райкома в Казани: «Но он мне с детства все говорил: «Не обижай верующих». И я с тех пор запомнила – верующих обижать нельзя».

Защищался я в светском академическом институте г. Казани в рясе с крестом. Присутствовали старые всероссийские известные ученые разных национальностей, педагоги, психологи, по учебникам которых мы учились, но защита прошла практически при единогласной поддержке. Хотя тема была абсолютно православная: «Православные традиции духовно-нравственного становления личности». И у ВАКа не было никаких вопросов. Произошло это в 2006 году.

Привез в подарок Гузели Валеевне вышедших тогда 4 тома поучений прп. Паисия Афонского. Она их листала и восклицала: «Ой, какие хорошие книги – все как у нас!» И поставила их на полочку у себя в кабинете. У нас сложились очень хорошие отношения, и впоследствии, когда я ей звонил, она говорила: «Как увижу ссылку на ваши труды, всегда плачу от радости и горжусь, что вы у нас защищались».

Но некоторые молодые ученые уже мыслили по-другому. В одной рецензии меня называли «фашистом» за то, что я якобы допускаю только одну веру для России. На самом деле мы разбирали цивилизационный подход и говорили, что у нас есть цивилизационное основание – это Православие. Молодым ученым это не нравилось, они уже были заражены либеральным духом. Гузель Валеевна в недоумении крутила в руках эту рецензию и повторяла: «Какой там фашизм? Я внимательно читала – там ничего такого нет!» Люди опытные, мудрые, по-своему верующие понимают, как устроена Россия, и принимают все наши подходы. Многие из них потом уже для своей конфессии стали разрабатывать аналогичные программы.

В это время в Самарской духовной семинарии стала организовываться

кафедра православной педагогики и психологии. Владыка благословил меня ею заведовать. Правда, в Церкви, когда дается новое послушание, предыдущее не снимается. Поэтому я и настоятелем подворья остался, и монастыри строились, и вот еще добавилась кафедра. Впоследствии Владыка благословил еще быть редактором журнала «Духовный Собеседник». Наша «Православная народная газета» тоже развивалась.

Так в жизни за 25 лет было очень много разных событий.

– **Батюшка, эта журналистская награда у вас не первая?**

– Вторая. Два года назад в таком же журналистском конкурсе «Золотое перо Губернии» получил диплом II степени. После этого меня приняли в Союз журналистов России и «Духовный Собеседник» стал более известен в Самарском регионе.

В этом году ввели новую номинацию «Укрепление духовных ценностей, поддержка семьи, материнства и детства, воспитание патриотизма», и за статьи, интервью в нашем журнале мне присудили первую премию. При награждении они называют авторские работы. Радостно было слышать, когда среди прочих прозвучала моя статья из «Духовного Собеседника» «Быть русским, быть православным, быть верноподданым».

– **Что вас укрепляет, радует в жизни?**

– Радует то, что Господь оберегает меня от житейских забот. Дети, внуки выросли, и они самостоятельны, никогда не требовали, чтобы я им помогал. Сейчас некоторые родители до седых волос «тянут» детей. У нас, наоборот, уже дети помогают мне, жертвуют на монастырь, всегда заботятся. Сын стал протодиаконом, меня это тоже радует, что есть такое последование в семье.

Радует то, что верных становится больше. Если раньше на ночные Рождественские и Пасхальные службы приходило много людей, но к литургии их оставалось мало, то сейчас практически весь храм стоит до конца службы, причащаются. Значит, это уже воцерковленные люди. Меньше стало тех, кто лишь в окна заглядывает, около храма стоит и не заходит.

Радует, что строятся храмы, монастыри, монашество встает на ноги. И что наши монастыри потихонечку крепнут.

– **Известно, что вы, батюшка, посетили, и не раз, достаточно много святых мест: Иерусалим, Святую Гору и другие. Что дает это священнику?**

– Паломничества дают опыт монашества, некий идеал, пример. И опыт нахождения в благодатной атмосфере. Когда приезжаешь на Афон, чувствуешь особое благоухание. Монахи радостные, смиренные, там свое богослужение, множество святынь, мощей, икон. Это особый монашеский мир.

Оказывается, насельники могут жить и молиться Господу, и у них все слава Богу. Есть такой миф, что монахи и вообще церковные люди якобы мало работают. Но это не так. В годы перестройки наша страна разваливалась, и единственное, что строилось и

Архимандрит Георгий (Шестун) с братией и сестрами Заволжских монастырей возле кафедрального Покровского собора Самары

укреплялось, оказывало помощь и поддержку народу, это наша Православная Церковь.

– **Батюшка, в какое время мы живем?**

– Сейчас идет такая новая антицерковная волна, особенно в СМИ. Происходит некая подмена: вроде бы против Церкви, против веры, против Христа сейчас в открытую идти неудобно, так давайте мы будем против попов выступать. «Вот они толстые, народ грабят, на джипах ездят...», – и начинают священников обличать. Наверно, заметили, что последние два-три года все нападки против конкретных священников, против Патриарха, против людей Церкви. Удивительно, что нападают те, кто ни жизни Церкви, ни ее людей совсем не знает.

Конечно, в семье не без урода, как говорится. У нас все люди пришли из мира, у всех есть страсти, и боремся с этими грехами. Но большинство-то священников – совсем небогатые и даже бедные люди. Кто знает их жизнь, понимает, что они и достаточно трудолюбивые, служат, пребывают в заботах и трудах с утра до вечера.

Мои родители очень много трудились, и я всегда старался отдавать много сил своему делу – научился от папы с мамой. В миру тоже слышал, что священники – лодыри, нахлебники. Но когда пришел в храм, понял, что нигде я так много не работал, как здесь. Никогда я так не уставал, столько сил не вкладывал, как в Церкви. В том числе и физических. Ведь у нас священники храмы строят, а для этого сколько побегать надо: с людьми встречаться, какие-то проекты готовить, стройматериалы добывать и так далее. Все сами делали, помочь было некому.

– **Легко ли жить сегодня Церкви?**

– Легко в этом мире никогда не бывает, да и не будет. Мир есть мир. Но служить Богу и исполнять Его повеления, жить по Божьей воле – радостно. Со Христом всегда радостно. По крайней мере, понятно, куда ты идешь, зачем, что и почему ты делаешь. Это природосообразно человеку. Господь так ведет по жизни, дает такие поручения, чтобы все твои таланты раскрывались. И ты в этом процессе начинаешь самореализовываться, возрастать. Очень много в этом деле помогают прихожане.

Мудрость народная – это неисчерпаемый кладезь и опыт даже для священников.

– **Нужна ли в современном обществе цензура?**

– Еще в 90-е годы слышал от монахов, что если человек не боится Бога, то хоть чего-то в этой жизни он бояться должен. Потому что одни люди служат Господу, а другие – сатане. Знаем, что Рай на Земле не будет, но мы не должны допустить здесь и ада.

Мы не должны допустить того, что разрушает душу человека, что его соблазняет, развращает, что его уничтожает, убивает. Поэтому необходимо, с одной стороны, как-то минимизировать сатанинское вмешательство в жизнь, с другой стороны – останавливать зло. Во-первых, нужна самоцензура. Часто люди – сами распущенные и думают, что им все дозволено. Но это совершенно не так. Никому не дозволено совершать преступления, растлевать, унижать. Таких людей надо останавливать. Они могут это делать и через кощунственные фильмы и книги, через СМИ. Я бы сказал, что цензура – это военные действия против агрессора. Когда есть агрессия, ее надо отражать. Цензоры – это пограничники, наблюдающие, чтобы враг не проник на нашу территорию. Была в свое время и атеистическая цензура. Сейчас нужна в первую очередь нравственная цензура, чтобы все, что выходило в общественное пространство, появлялось на экранах, в книгах, было душеполезным, а не вредило людям.

Сейчас любят разглагольствовать: да кто, мол, это может оценить. Все очень просто: есть Евангелие, есть Господь, есть тысячелетний жизненный опыт. Люди утратили историческое сознание. Они думают, что XX столетие – это единственный век, который внес какое-то мощное течение в историю России. Но были у нас времена и пострашнее, были времена и прекраснее. Вообще, история России всегда была связана с Православием. Почему сейчас это нужно вычеркнуть? Необходимо признать, что история Руси началась не с 1917 года, не с 1991 года: ей 1000 лет. Посмотрите, всякое было в нашей истории. Как точно подметил Федор Михайлович Достоевский, русский человек или с Богом, или против Бога, но никогда без Бога. Без Православия России не

В БОГЕ

будет. И история нашей России это подтверждает: русский человек никогда не был без Бога, даже в какие-то моменты своего падения. Поэтому святости нашей жизни нужно оберегать.

– Легко ли священнику признать какие-то свои огрехи, каяться или это всегда трудно?

– Это вообще особенность человеческой жизни и жизни священника в частности. То, что кажется нормальным сегодня, через 3-4 года уже видится не таким безупречным. Все время происходит определенный рост. Годы идут, прибавляется жизненный опыт, и конечно, покаяние, наставления духовника для священника так же важны, как и для мирянина. Потому что духовник лучше тебя видит. Это такой взгляд на тебя сверху и со стороны.

Главная беда современного человека в том, что он не хочет этого признать. «Я сам все знаю, а то, что пишете, говорите, это не про меня» – его кредо. Он абсолютно уверен в своей правоте и даже не подозревает, что каждый сам себя всегда плохо знает и может ошибаться. Когда же православный человек приходит к священнику и слышит совет, то иногда говорит: «Я пока не понял, но все же вы, наверно, правы. Вам виднее». Он готов принять замечания, готов себя исправлять. А когда человек закрытый, самоуверенный, упрямый, его научить практически невозможно. Он считает, что его взгляды, его положение, внутреннее сознание абсолютно верны. Но со стороны видно, что это не так.

«ГОСПОДЬ ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЕ...»

Настоятель Заволжского мужского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня с братией обители

– Почему, когда вы кого-то раздумываете, на вас не обижаются?

– Потому что есть строгость, а есть злость. В миру обычно все люди гневливые. Православного же человека благодать растапливает, умиротворяет, умудряет. И духовник может поворчать и посердиться, но он не злится, не раздражается, а переживает за духовных чад.

Злоба – это духовное явление, оно обижает и пугает. А строгость – это один из видов любви. Святые отцы учат: «Обличай с любовью». Еще тут важен опыт, потому что очень многое

зависит от духовного состояния человека. Некоторых ругать совсем нельзя: даже если с любовью такого поругать, он все равно обидится. Только по мере того, как он духовно возрастает, можно немного строгость проявлять.

Но сначала надо научить, а потом требовать. Если же тебе объяснили, как правильно, а ты не хочешь прислушаться и действуешь по-своему – это уже твоя вина, лень и нерадение. Тогда духовник может даже не допускать до причастия: «Ты знал, как надо сделать, чтобы не совершить греха, и не делал».

А про некоторых уже можно сказать: «Ты такой духовный, что тебя и бить уже можно – не обидишься». Как читаем в патериках: игумен кого-то посохом огреет, а тот с любовью целует этот посох...

– За благословением к вам приходят люди самого разного статуса, звания и рода занятий. Что помогает дать правильный совет?

– Господь помогает. Если не могу совет дать, никогда этого не делаю. Так и отвечаю, например: «Я не знаю, к врачам иди, они профессионалы». Если женщина приходит, нередко говорю: «Иди у мужа спрашивай, у тебя свой «старец» есть. Как это я могу благословлять, а муж, может, против будет». А иногда вдруг появляется такая ясность, и знаешь, что сказать. Надо передать прихожанину то, что Господь открыл, а не то, что ты

сам придумал. Не говори от себя. Это очень интересный момент. Через это священник сам очень многому учится. То есть он действительно как проводник – стоит между прихожанином и Господом. Как говорится на исповеди: «Я только свидетель есть».

Иногда такое же происходит во время проповеди. Потом к тебе подходит человек и говорит: «У меня был важный вопрос, но вы на проповеди на него мне ответили». Вероятно, для этого человека так и получилось. Вроде, отошел священник на проповеди от темы, хотя и не собирался, а потом вернулся. Очень много бывает подобных случаев.

Фото на память с владыкой Сергием в мужском монастыре

Часто меня Владыка посылал в командировки на всякие семинары, конференции – начиная от Владивостока, Магадана и по всей России. Едешь читать доклад, а там обязательно встретишь человека, который нуждается в совете, и понимаешь, что приехал ради него. Господь так устраивает, что, если у тебя есть духовная жажда, Он тебе за тысячи километров пришлет человека на помощь.

– 2017 год – это год 100-летия двух революций. Сегодня мы с горечью осознаем, что осмысление жизни и у красных, и у белых по большей части было уже не традиционно русским. Возможно ли их примирение?

– Примирение красных и белых возможно только на Кресте и во Христе. Когда людей разделяет кровь, примирения достичь очень трудно. Только через покаяние, через подвиг, признание своей неправоты, неправды. Это очень тяжелый путь. Кроме того, двадцатое столетие мы рассматриваем с исторической, экономической, с политической точки зрения. А надо рассматривать с человеческой точки зрения.

Недавно была у меня беседа на тему «Итоги столетия» в Московской духовной академии со слушателями Высших Богословских Курсов. Говорю им: «Вот мы с вами – итоги столетия. То, что в нас сидит: почему-то какая-то агрессия и сопротивление, но и тяга к вере, – все это тоже итоги столетия».

Столкновение красных и белых – это исторический факт, но сейчас они тоже существуют. Те, кто строит храмы, – не красные и не белые. Это христиане. А красные и белые притесняли христиан, занимали крайние позиции и достаточно много крови пролили. Приведу лишь два факта про белых. За «Боже, Царя храни» в армии Деникина можно было угодить в тюрьму. А когда в заточении находилась Семья святого Царя Николая II, в это время там же, в Екатеринбурге, находилась переведенная туда Академия Генерального штаба. Это более 300 боевых офицеров, которые готовились к высшим командным должностям. Представляете, рядом Император сидит в заточении, а Генеральный штаб русской армии бездействует! Они об этом факте нигде не пишут, а ведь могли бы и освободить помазанника Божия. Вот насколько Белое движение было антимоноархическим. И оно было достаточно жестоким. Потому что быть против Царя – это

быть против Христа. Они отпадали уже и от веры, и от Бога, и от Церкви.

Примирение заключается в том, по слову святого праведного Иоанна Кронштадтского, чтобы вернуть Россию ко Христу, к ее исконным корням.

Все мы, ныне живущие, – наследники красных или белых. Все это уже генетически нам передалось. Смотришь, есть теперь православные священники-сталинисты (!), которые рассказывают о том, как хорошо жилось при Сталине. Но если посмотреть их биографию, то несложно заметить, что они выросли где-нибудь на Тверской, их дедушки-бабушки занимали в наркоматах какие-то должности. То время для них прошло по-другому, чем для тех, кто был на Колыме. Поэтому внуки советской элиты воспринимают это время как период исключительного развития страны и ее процветания, когда были полными магазины, жили в хороших квартирах. И они уверены, что все коммунисты – хорошие люди, судя по тем, кто у них собирался дома. То же самое и оппозиция. Когда сейчас стали смотреть на их корни, выяснилось, что большинство из оппозиционеров имеют предков, служивших в НКВД. То есть они наследники этой линии.

Не зря один депутат недавно высказался, что наследники тех, кто в то время разрушал и отбирал храмы, сейчас выступают против передачи верующим Исаакиевского собора. По сути, не хотят вернуть Церкви храм, построенный для богослужения. Странно, а кому же его тогда отдать?

– Как помочь людям вновь обрести национальное самосознание?

– Просто надо стать православным, церковным. Потому что национальное самосознание без христианства, без Православия – опасное явление. Это опять приведет к язычеству. Надо начинать с Церкви, но в нее только Господь приводит. Поэтому надо стараться жить по Божиим заповедям, поскольку они помогают жить по-человечески. А потом перед этим человеком Господь открывает двери храма. Тут получается два этапа. Первое – это вочеловечиться, постараться жить по заповедям Господним, по законам совести. А потом Господь приведет тебя в храм. Как это будет, – у каждого своя тайна. И как вы, и как я пришли в храм – у каждого своя история. Но привел Господь.

Беседовали Михаил и Ольга Щербак

ИСТОРИЯ ЕСТЬ

О КАЖДОЙ СТРАНЕ

В чем, прежде всего, проявляется мудрость и значимость правителя государства? Можно ли привести страну ко благу, если поступаешь Божим законом? Чем по сути своей были европейские революции? Чего хотел шведский король Карл XII? О чем предупреждает нас русский философ Иван Ильин? Как проявляется Промысл Божий в истории? Об этом размышляет кандидат исторических наук, начальник сектора анализа и оценок Российского института стратегических исследований Петр Мультиатули.

СЛЕДУЯ ВОЛЕ БОЖИЕЙ

– В свое время известный итальянский ученый Джамбаттиста Вико предложил интересную гипотезу: история, по его словам, движется по спирали, исторические события повторяются, но новое событие усваивает все самое полезное, что было создано предыдущим циклом. Петр Валентинович, скажите, пожалуйста, есть ли зерно здравого смысла в словах ученого? Все, что происходит сейчас в мире, не является ли опытом прошлого?

– Думаю, что гипотеза Вико сомнительна. На самом деле историей не управляют ни цари, ни короли, ни императоры, ни президенты, ни диктаторы, ни генсеки. История не является ни «спиралью», ни «окружностью», ни какой-либо еще геометрической фигурой. История есть Промысл Божий о каждой стране и каждом народе.

Господь возлагает на правителей особую миссию, и подлинное величие государственного деятеля – не военные победы, не реформы и завоевания, а умение понять эту волю Божию и следовать ей. Такими были многие наши князья и цари. Посмотрите на святого благоверного великого князя Александра Невского. Ведь ему Римский Папа предлагал свою помощь против монголов в обмен на унию с католиками. Казалось бы, что в этом страшного? Какая разница? «Всего лишь» иная ветка христианства, расхождения с которой тогда еще внешне могли казаться достаточно малоразличимыми. Ну, признай ты Папу главой всех христиан, потом же можно и отказаться, зато получишь реальную помощь и сбросишь иго жестоких монгольских ханов. Но для князя Александра Ярославича это «всего лишь» означало совершить духовное предательство, нарушить Божию волю о России. Спаситель сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28). Монгольское владычество губило тело, но сохраняло душу, так как монголы относились терпимо и даже с уважением к Православию, а западная уния спасала тело, но губила душу, предлагая согласиться с ересью папизма. Поэтому Александр Невский выбрал путь не своеволия, а исполнения воли Божией и получил от Господа венец святости. Такой поступок в русской истории характерен далеко не только для одного Александра Невского.

– Не могли бы вы привести еще примеры того, как сказывалось на судьбах государств следование или противостояние воле Божией их правителей?

– В 1439 году византийский император Иоанн VIII Палеолог оказался в очень схожей ситуации. В надежде получить западную военную помощь

от побеждающих его войско турок пошел совместно с Патриархом Константинопольским на подписание Флорентийской унии с Папой об объединении Католической и Православной Церквей на условиях признания главенства Рима и всей католической догматики. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор также подписал эту унию и в 1441 году во время богослужения в Успенском соборе Кремля в присутствии великого князя Василия II Васильевича Темного не просто помянул на Великой ектенье Папу Римского, а поставил его имя впереди православных Патриархов. Через три дня повелением великого князя Исидор был арестован и изгнан из России, а уния осуждена русским духовенством. Что же касается Византии, то измена Православию не помогла ее императорам. В 1453 году, то есть через четыре года после подписания унии с Папой, Константинополь пал под ударами османов и султан Мехмед II торжественно вступил в столицу Второго Рима. На этом примере мы убеждаемся, что византийские императоры и большая часть византийского высшего духовенства пошли против воли Божией и погубили себя и Вторую Рим, а русский великий князь Василий II исполнил волю Божию и спас Россию и Церковь. Поэтому Господь передал его сыну великому князю Иоанну III Васильевичу эстафету Византии, и Москва стала Третьим Римом.

Русские государи, в своем подавляющем большинстве, очень тонко чувствовали не мирскую, Божественную природу своей власти, формулу которой блестяще вывел первый русский царь Иоанн IV Грозный: «Аз есмь Царь милостью Божией, а не многомятежным человеческим хотением». Это означало, что природа русской монархии не подвластна человеку, не подвластна миру сему. Самодержец был подвластен только Богу, и только перед Ним он держал ответ за свои деяния. Но именно эта «подвластность» была лучшей гарантией того, что самодержец не превратится в тирана, ибо каждый русский царь знал, что есть Божий суд и Грозный Судия. Поэтому даже в средневековой Руси не знала таких жестоких нравов, таких изощренных и безчеловечных видов казни, такого жестокого уголовного законодательства, которые существовали в государствах Западной Европы, особенно в Англии и Германии.

– Но ведь Иоанн IV, о котором вы вспомнили, в историю вошел как Грозный...

– У нас любят ужасаться «зверствами» Иоанна Грозного, забывая при этом, что в его царствование было казнено 4 тысячи человек, тогда как в Англии времен короля Генриха VIII, царствовавшего с 1509 по 1547 год, то есть современника великого князя Василия III, отца первого русского царя, было казнено 72 тысячи человек! Как говорится, «почувствуйте разницу»! Да, и 4 тысячи казненных, наверное, для средневековья было немало, но это не идет ни в какое сравнение с западным зверством. Вы только представьте, что в Англии того времени ребенка за кражу одной селедки на рынке – вешали! Также вешали за угрозу убийством в письме, за увечье животных, за лесные порубки, за кражу в церкви, за кражу животных. Кстати, продолжалось все это вплоть до середины XIX века. Разве можно представить себе что-нибудь даже подобное в «варварской» самодержавной России?! Разумеется – невозможно.

Петр Валентинович Мультиатули

В России самодержец понимал главное предназначение данной ему от Бога власти: блюсти Церковь Христову и народ Божий, защищать Россию – оплот Православия. У самодержавного царя, потом императора, и митрополита, потом Патриарха Московского, потом Святейшего Синода, всегда была общая цель: блюсти душу народа, то есть вести его к вечной жизни, к спасению. Конечно, помимо этого монарх, разумеется, занимался и вполне земными проблемами, но идеалы Святой Руси являлись у него «сверхзадачей». Поэтому подлинная симфония властей может существовать только между Православной Церковью и православной монархией. Между Церковью и светской республикой полной симфонии властей быть не может.

– Значит ли это, что в светской республике Церковь и государство будут в некоем противостоянии?

– Ничего подобного! То, что между Церковью и светской республикой полной симфонии властей быть не может, вовсе не означает, что отношения между Церковью и республикой всегда должны быть плохими. Лучшим примером обратного служат отношения сегодняшней российской власти, лично Президента Владимира Владимировича Путина и церковного священноначалия во главе со Святейшим Патриархом Кириллом. В современном мире невозможно найти примеры подобного позитивного сотрудничества государства с Церковью. Причем они не случайны. Вспомним, что такое же сотрудничество было у нашего Президента и с покойным Патриархом Алексием II. Но тем не менее даже при таких, безусловно, самых лучших за послереволюционный период государственно-церковных отношениях некорректно говорить о симфонии властей.

Потому что при симфонии властей Церковь и власть являются единым организмом. Наш выдающийся мыслитель И. А. Ильин так и утверждал: «Монархия есть политический организм, а республика – политических механизмов».

Этот единый церковно-государственный организм дореволюционной России руководствовался целью, которая и определяла исторический смысл существования России. Эта цель заключалась в идеале Святой Руси, то есть служении Христу-Спасителю.

– Но ведь бывали и отступления от этого идеала!

– Несмотря на то, что бывали всякие эксцессы, отступления, даже временные отходы от этой цели (в Смутное время, во времена бироновщины

или в недолгое царствование Петра III), она в конце концов все равно торжествовала. Нечестивых монархов у нас можно по пальцам пересчитать, и все они не приживались на престоле. А тот же Генрих VIII в силу своей похоти к власти, да и похоти блудной, метался от католичества к протестантизму, закрывая монастыри, запрещая таинства и глумясь над святыми мощами. Опять-таки, все любят вспоминать жен Иоанна Грозного. Не вдаваясь в подробности и не оценивая эту сторону жизни Иоанна, отметим, что четвертый брак был разрешен ему Церковью исключительно из-за вопросов престолонаследия, и в качестве епитимии царь год не мог даже заходить в храм, не говоря уже о Причастии. Кроме того, жены Иоанна Грозного, как известно, умирали своей смертью или постригались в монахини, а вот Генрих VIII большенству своих опальных супругов, которых у него было шесть, аккуратно рубил головы.

– А кто из правителей, близких нам по времени, особенно остро чувствовал проявление воли Божией в судьбе подвластной ему страны?

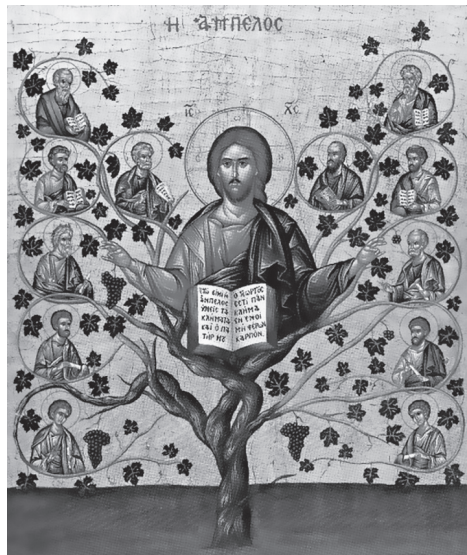
– Наиболее сильно понимание истории как Промысла Божия было у нашего последнего Государя Императора Николая II Александровича, святого царя-мученика. Генерал С. Д. Позднышев хорошо понял эту духовную сторону личности самодержца:

«Судьба поставила Государя во главе огромной империи. На свое служение он смотрел, прежде всего, с религиозной точки зрения, как истинный сын Православной Церкви. До высоты и глубины этой мистики нам не подняться и не понять ее величайшего значения. Не по внешней только форме, но по духу – он был Помазанник Божий».

Мне уже неоднократно приходилось говорить, что «поражения» Николая II на самом деле есть «поражения» нашего общества, которое не понимало всю степень важности и величия царского служения Богу и России. Государю приходилось всякий раз смирать свои планы и подчиняться Божией воле. Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), называя последнего Государя одной из «самых прекрасных фигур в истории России и в истории Русской Церкви», указывал, что «именно поэтому он обречен на непонимание и даже на вражду, но на непонимание больше. Люди не всегда могут понять, что это был за подвиг, что это был за человек. Не всегда могут понять уровень его самоотвержения. Ведь он лишился всех венцов: и венца победителя в войне, и венца великого устроителя Русской Земли, и венца церковного деятеля, всех венцов, и царского

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

И КАЖДОМ НАРОДЕ

Икона «Древо жизни»

венца. У него оказался только один венец – венец мученика. Но для Господа это был главный итог его жизни».

Предательством царя в 1917 году и его убийством в 1918 году Россия нарушила возложенные на нее Богом обязательства, и на какое-то время ее существование именно как России, с ее служением Богу и Его воле, прекратилось. Начался период искупления совершенного тяжкого греха. Но хотя СССР не был Россией, в подвигах и героизме советского периода проявлялись лучшие качества русского народа: жертвенность, самоотвержение, мужество, великодушие, то есть идеалы Святой Руси. Это при том, что коммунистический режим нес в себе совершенно противоположные русскому духу основы. Понадобились жертвенный подвиг Новомучеников, Гражданская война, трагедия эмиграции, чудовищный красней террор, сталинский террор, Великая Отечественная война, крушение советской власти, чтобы Россия обрела себя и начала возрождаться.

ЗАПАД ПРОТИВ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

– Почему Запад не учится на ошибках прошлого в своем отношении к России?

– Здесь надо определиться, о каком Западе мы говорим. Одно дело – Запад Карла Мартелла, святого Дионисия Парижского, святого Рустика, святой Женевиэвы (Геновефы), Жанны д'Арк, Шекспира, Мольера, Расина, Шиллера, Дюрера, Баха, ubiquitous якобинцами короля Людовика XVI, королевы Марии-Антуанетты, мучеников якобинского террора, великого Пастера, а с другой – Запад тамплиеров, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Бонапарта, Карла Маркса, Ницше, Фрейда, Алистера Кроули, Гитлера и современных неоконев Бжезинского и Нормана Подгореца. Сегодня, когда мы говорим о Западе, мы имеем в виду в первую очередь именно второй, апостасийный Запад. И это справедливо, так как нам вот уже, по меньшей мере, три века приходится иметь дело именно с ним. Но и забывать о том, что был другой, христианский Запад, мы не имеем права, тем более что на Западе осталось немало верующих людей, не приемлющих то, что творят с Европой новые либеральные нацисты.

Наступление глобалистских антихристианских сил началось именно на Западе.

– С какого времени идет это антихристианское наступление?

– С революций – Английской и Французской. Английскую революцию 1649 года и Французскую, так называе-

мую «Великую», 1789 года принято называть буржуазными. Однако они были в первую очередь религиозными, то есть имели антихристианский характер. Главной их целью было убийство христианского монарха и уничтожение монархии. Оливер Кромвель ненавидел христианство и планировал установление новой религии, в которой причудливо сочетались элементы Ветхого Завета и масонские легенды о грядущем воскресении короля Артура, что очень напоминает ожидание антихриста. Короли Карл I и Людовик XVI были принесены в жертву для разрушения христианской Англии и христианской Франции. Оба – и Карл, и Людовик – умерли как истинные христиане, отказавшись от соблазнов революционеров сохранить свои жизни в обмен на измену своему монаршему долгу, измену Христу. След за королями мученическую смерть приняли тысячи и тысячи их подданных. Разрушались храмы, убивались священники.

Особенно этот террор был ужасен во Франции, где он принял характер геноцида. 10 июня 1794 года по настоянию Робеспьера Конвент принял декрет «О врагах народа». Гильотина – изобретение доктора Гильотена – работала непрерывно, лишая жизни тысячи невинных людей. Так, 17-летняя дочь живописца Жозефа Берне была обвинена в спекуляции и казнена за то, что у нее оказалось 5 тысяч свечей, выданных в уплату долга ее отцу. За такую же «спекуляцию» был казнен парижанин, у которого дома обнаружили несколько хлебцев, испеченных по рецепту врача. В одной из французских деревень были казнены 63 женщины за то, что участвовали в тайном богослужении. В другом местечке передвижные трибуналы приговорили к смерти и казнили около 400 детей в возрасте от 6 до 11 лет – за то, что это были дети богатых или просто зажиточных людей. Робеспьер и его подельники планировали уничтожение 1,5 млн. «врагов народа».

Мощи святой Женевиэвы, покровительницы Парижа, были прилюдно сожжены на Гревской площади. Подобная участь постигла мощи многих других святых. Могилы королей и аристократов были осквернены и уничтожены, в церкви Сорбонны студенты вместо мяча играли черепом кардинала Ришелье.

Что любопытно: революции, которые начинаются под лозунгами свободы и равенства, заканчиваются жесточайшими диктатурами и жутким неравенством. Так было в Англии, так было во Франции, так было и в России.

– Эта антирелигиозность Запада и определяет его ненависть к России?

– Именно. И когда мы сегодня говорим о Западе и его отношении к нашей стране, мы должны понимать, что это отношение безбожного Запада к Православной России. Поэтому никакой «ошибки» в отношении Запада к России нет. Есть старая политика ненависти и неприятия, стремления ее уничтожить.

Было бы неверно думать, что противостояние Запада России началось только после происшедших там революций. Запад, пораженный болезнью папизма, давно стал антиподом Русской цивилизации. И даже протестантские страны, отвергшие католичество, в отношении к России оставались в ореоле его идеологии. Как только православная Россия стала фактически империей, а это произошло при Иоанне III и Иоанне Грозном, Запад забил тревогу. Появился не просто геополитический противник, но цивилизационный антипод. Против России началась сначала идеологическая, а затем и «горячая» война. Из России («Московии») создавался образ жуткой варварской страны, во главе которой стоят кровавадные тираны. К сожалению, мы сегодня часто склонны повторять эти мифы.

Запад, по меньшей мере, четыре раза организовал против нас глобальные вторжения, ставившие своей целью уничтожение России, и в первую очередь Православия.

– Первым из них было...

– ...нашествие шведов во главе с Карлом XII. После Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны это шведское нашествие несколько «потускнело» в нашей памяти. Между тем оно было не менее опасным. Ведь Карл XII стремился не только разбить русскую армию, но и навязать Русской Церкви унию с протестантизмом, расчленив Россию на несколько государств. Причем шведскому королю в этом помогли предки ОУНовцев и современных ярошей. Малороссийский гетман Мазепа навсегда останется в русской памяти как презренный предатель. Недаром Петр повелел учредить «медаль» Иуды в единственном числе, которой он хотел «наградить» Мазепу. Лишь смерть предателя спасла его от этого награждения и позорной казни. На медали был изображен повесившийся предатель Господа, рядом с которым имелась надпись: «Трекляты сын погубительный Иуда еже ли за сребролюбие давится». Видимо, настало время новых «награждений» этой медалью.

Победы Петра Великого под Лесной, при Полтаве и Гангуте имели судьбоносное для нашей страны значение. Именно благодаря им Российская империя получила свой официальный статус и стала играть одну из ведущих ролей в мировой политике.

Второе нашествие Запада было организовано Наполеоном. Это была одна из самых опасных страниц русской истории, когда на карту было поставлено само существование России.

– Какие цели преследовал Наполеон?

– Нашествие Наполеона не было просто попыткой завоевания чужой территории и чужого народа. Это была попытка уничтожения Православной цивилизации, которая была непримиримым врагом претендующей на мировое господство масонской империи Бонапарта. Наполеон стремился короноваться в Москве как «император Вселенной» и «русский царь» и начать отсюда раздавать русские территории. Им планировалось создание «независимой» «Казакии», Литвы, Малороссии и так далее. Причем в России Бонапарта ждали его тайные союзники, главу которого – М. Сперанского – императору Александру I удалось обезвредить в самый канун войны. Именно ликвидацией «пятой колонны» во многом объясняется полное оставление Москвы населением, организованное губернатором первопрестольной столицы Ф. В. Ростопчиным.

Вообще, Отечественная война 1812 года является настоящим чудом, ведь огромные полчища со всей Европы, ведомые «лучшим» в мире полководцем, не проигравшим с формальной точки зрения ни одного сражения, в буквальном смысле слова растаяли в русских просторах. Из 600-тысячного наполеоновского войска обратно границу пересекло менее 33 тысяч человек!

Государя Александра I недаром прозвали Благословенным. Он очень хорошо понимал природу этого чуда. В своем манифесте по поводу победы царь заявлял: «Господь шел впереди нас! Он одержал победу!» Александр хорошо понимал и антихристианскую боготорческую природу режима Бонапарта. Именно поэтому Государь настоял на продолжении войны с ним и освобождении Европы.

Третьей глобальной войной Запада против России следует считать Первую мировую – или, как ее называли, Вторую Отечественную – войну в период с 1914 по 2/15 марта 1917 года, то есть до свержения монархии в России. Несмотря на то, что внешне эта война не носила такого явного завоевательного характера, как война с Наполеоном или война с нацистской Германией, суть ее была точно такой же.

– Война Германии против России в начале XX века была столь же неизбежна?

– Впервые о возможности войны с Россией германский кайзер Вильгельм II высказался еще будучи наследным принцем в 1888 году в письме к Бисмарку, который на полях оставил пометку: осуществление подобных планов «было бы несчастьем». Вильгельма это не остановило, и свою диссертацию, защищенную в берлинской Академии Генерального штаба, он озаглавил как «Варианты фронтального наступления вглубь России». В ней будущий кайзер доказывал: чтобы не повторять ошибок Наполеона, удовлетворившегося только походом на Москву, следует занять всю европейскую часть России вплоть до Урала, Кавказ и Прибалтику. Полвека спустя подобный план будет разработан в ставке Гитлера под кодовым наименованием «Барбаросса».

Антагонизм между Россией и кайзеровской Германией в начале XX века был вызван не только геополитическими противоречиями. Не менее важной причиной была духовно-идеологическая основа Второго рейха. Кайзер родился, вырос и сформировался как личность в обществе, где жила абсолютная уверенность в том, что Европа, да и весь мир, должны жить под руководством Германии. В конце XIX века в германских радикал-националистических кругах складывается образ «Серединной Европы» (Mitteleuropa), то есть Европы, объединенной вокруг Германии и во главе с ней. Границы этого образования должны были включать большую часть западноевропейской России (т. н. «Восточной Европы»), которая рассматривалась Вильгельмом II, как потом и Гитлером, как «Жизненное пространство на Востоке» (Lebensraum im Osten).

В отношении России германские империалисты строили следующие планы: создание за счет территорий России конфедерации государств под руководством Германии. В частности, планировалось создание «независимой» Украины, которая поддерживала бы тесные связи с Германией и имела бы с ней общую границу. Россия должна была лишиться также балтийских провинций, Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа. То есть мы видим все те же планы Карла Шведского и Наполеона, только в новой германской оболочке.

Говоря об империи Вильгельма II, не следует упускать из виду, что она находилась под сильным влиянием германских банкирских домов, тесно связанных родственными узами с ведущими банкирскими домами США.

(Окончание на стр. 16)

РОК РУССКОЙ

В ЧЕМ ВИДЕЛИ ГЛАВНЫЕ УРОКИ 1917 ГОДА

В истории русской революции много парадоксов. Один из них заключается в том, что изучение и осмысление Октября отгеснило Февраль. Между тем именно февральские события следует считать собственно революцией. И именно в постижении их сути кроется главный урок 1917 года.

Современники событий, пережившие годы репрессий, страшного голода, хаоса и безысходности, а многие - и утрату Родины, - вдумывались в причины Февраля и Октября и, безусловно, видели духовные и политические корни этих явлений в русской истории, в событиях и духовно-нравственном состоянии русского общества на рубеже XIX - XX веков. Одним из наиболее почитаемых для нас, сегодняшних, несомненно, является митрополит Антоний (Храповицкий, 1863-1936), возглавлявший Русскую Православную Церковь в изгнании.

Во многих своих послереволюционных работах митрополит Антоний, размышляя о судьбе Отечества, строго судил русское общество XIX в., в особенности интеллигенцию, на которой лежит основное бремя ответственности за судьбу народа в целом. Беда русского общества в том, что оно утратило способность православного восприятия действительности и оказалось в плену сменяющихся утопий. Расколота сознание нашла отражение в литературе - отсюда «лишние люди», «горе от ума», «то сплин, то русская хандра» - возрастала конфликтность сосуществования слоев, классов, поколений. Лучше других запечатлел это состояние душ и умов Ф. М. Достоевский - для митрополита Антония высочайший авторитет. По его мнению, произведения этого писателя были способны помочь русским людям обрести истинное видение произошедшего с ними и с Россией.

«Денационализированное общество», считал Антоний, зашло столь далеко, что ненавидит уже не пороки, а самую Россию. При этом главная причина этой ненависти - «не злая воля, а совершенное незнание России русскими же».

Язык, история отечества, в особенности основы православия оказываются за пределами интересов образованного класса: «Причина глубокого упадка (Отечества) не в нескольких ошибках последнего царствования и не в нескольких неправильных шагах общественных деятелей, а в потере самой общественной перспективы и правительственными сферами, и еще более самим русским обществом... Возрождение возможно лишь под условием восстановления правильных воззрений на нашу жизнь и на Русь в умах передовых деятелей, что в настоящее время - время истинного покаяния и отрешения от прежних предрассудков - гораздо легче, чем... в дореволюционный период» (Здесь и далее цитируем по изданию: «Словарь к творениям Достоевского». София. 1921. Позднее автор изменил название на «Ключ»).

Катастрофа революции (любая революция, считал митрополит, имеет деструктивный характер) должна привести к переоценке всего историческо-

го пути России. В самой революции Антоний четко выделяет две фазы - как в ходе событий, так и в восприятии их обществом. Февраль вызвал бурную радость (непонимание истинного характера выпущенных из-под контроля разрушительных сил). И только Октябрь заставил содрогнуться. «Публика продолжала быть довольной, пока она сама могла направлять революцию и командовать в России. Еще бы! Всякий желающий делался министром, комиссаром, общественным оратором и т. д. Но, когда при таких управителях разбрелась армия, оставив неприятелю фронт..., когда оторвали от России десяток губерний и то, что осталось, стало трескаться, и вскоре колоссальное государство раскололось на десятки «самостоятельных республик» - тут наши торжествовавшие ребе́ллыны закряхтели. Однако не в этом познали они свою беду. Последняя раскрылась перед их глазами тогда, когда явились мужички и сказали: равенство так равенство... нам тоже любопытно вкусить от всего этого, а особенно - власти и денег, ... кровь полилась... целым морем... Прежнее ликующее настроение сменилось и отчаянием... Потеряли уверенность и самые вожди революции, едва ли возможно найти сотню людей на Руси, которые бы одобряли то, что произошло в ней за эти два года» (написано в 1920 г.).

Революция, по мнению митрополита Антония, послужила страшным отрезвляющим средством для общества, потерявшего ориентиры развития национального государства, заблудившегося между социальными утопиями, мистицизмом, атеизмом и просто прожиганием жизни. Февраль 1917 г. он оценивал как «господскую револю-

цию». Без переоценки значения и сути февральского переворота, считал он, невозможно двигаться дальше, трудно будет найти путь, на котором могли бы объединиться созидательные силы.

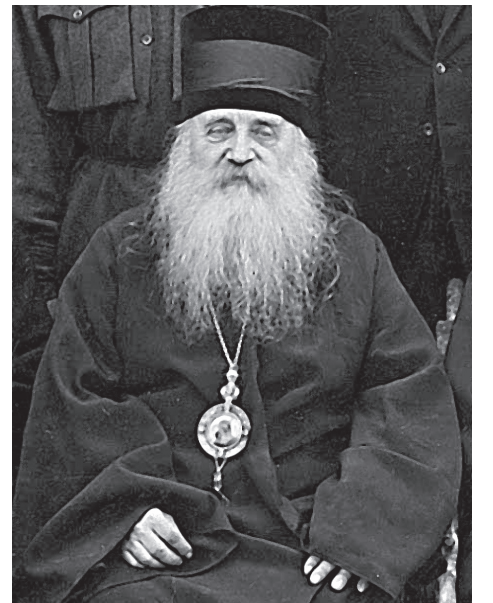
Митрополит Антоний сознательно обострял отношения с образованным обществом еще раньше, в самом начале девятисотых годов, всячески обличая его леность и необразованность, призывал к сознательному отношению к судьбе личной и государствен-

ной, к восстановлению нравственных основ общественной жизни, иначе, как предвидел он, «кровавой перетряски» не миновать. При этом суть назревших событий митрополиту была ясна уже в 1909 г.: «Продолжается то несравненно более губительное разрушение внутреннего содержания русской жизни, ради которого ненавистна бунтовщикам и государственная власть, как его защитница».

В эмиграции многие предавались унынию, и, раскаявшись в личных и общественных ошибках, не видели выхода. Митрополит Антоний же, возвращаясь к «урокам Октября», был уверен, что у России есть будущее. Судьба ее зависит от того, какими будут русские люди. Надежду он черпал в идеалах православия и в историческом опыте.

Арестованный петлюровцами, находясь в тюрьме в течение восьми месяцев, митрополит Антоний создавал «Ключ», пытаясь указать соотечественникам спасительный путь даже в самой плачевной ситуации.

«Очень было бы грустно лишиться русского государства, но Русь была, росла и сияла даже тогда, когда не было государства, как последние 450 лет рос и развивался гений греческий, как умножалась его вера, его патриотизм, его энергия под властью турок... Трагична судьба еврейского народа, но когда его государственность пала... в нем воскресла внутренняя культура, он был и остался и поныне самым самостоятельным племенем во всем мире». Этот исторический опыт поможет и русским людям сохранить надежду: «русское Православие, ... искусство, речь, сердце, открытость, самоотверженность и широта духа не угаснут под игом ни японцев, ни американцев, ни

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Достоевский, Васнецов и Серафим Саровский. Впрочем, зачем такой роковой выбор. Бог даст, сохранится и первое и последнее...». Это - кредо митрополита Антония, его видение русской судьбы. Для обретения созидательной силы надо обратиться к живительным истокам, питавшим государственный организм на протяжении веков.

Православная вера, власть самодержавная, с выборными в Думу представителями от народа, национальная интеллигенция, духовное единство всего народа - вот те основы, которые предложил митрополит Антоний в своем докладе Парламентской группе в 1923 г. в Белграде. Он достаточно подробно говорил о реформировании правительства, армии, системы образования и пр., подчеркивая, что оно должно происходить на основе нравственных устоев Православия и исторической государственной русской традиции.

Митрополит Антоний предостерегал от преувеличения значения самого института государства. «Ведь что такое государство? Это собственно полиция народа... вбивать всю политику общественной жизни в государственный мундир, хотя бы и самый республиканский, это, прежде всего, в высшей степени нелиберально... и наши патриархально-народные начала жизни не только гораздо нравственнее, но и либеральнее, чем порядки конституционные или республиканские, ибо там личному почину и нравственной правде остается несравненно меньше места, чем у нас в России...».

Восстановление русской государственности на национально традиционных основах невозможно, по мнению Антония, до тех пор, пока интеллигенция считает себя «фельдфебелями цивилизации», не любит и не знает своего народа, его мировоззрения и его веры.

Пока наше образованное общество не захочет с тем же жаром, с каким оно разрушало, начать созидать, трудно ожидать возрождения Отечества.

После смерти митрополита Антония РПЦЗ возглавил его ученик митрополит Анастасий (Грибановский, 1873-1965). И, пройдя через испытания немецкой оккупации Белграда, он оставался во главе Русской Церкви в изгнании вплоть до 1964 года, уже в США. Он также оставил литературно-

англичан, ни французов. Можно надолго уничтожить Россию, нельзя уничтожить Русь. И если бы приходилось выбирать одно из двух, то лучше пусть погибнет Россия, но будет сохранена Русь, погибнет Петроград, но не погибнет обитель преподобного Сергия, погибнет русская столица, но не погибнет русская деревня, погибнут русские университеты и заменятся английскими или японскими, но не погибнут в памяти народной Пушкин,

РЕВОЛЮЦИИ

ВИДНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ИЕРАРХИ

Митрополит Анастасий (Грибановский)

духовное наследие, где во многом продолжил линию митрополита Антония, рассматривая русскую историю как реализацию во времени и пространстве замысла православной державы, единой и монолитной идейно, укрепляющейся в испытаниях, но утрачивающей государственную силу и устойчивость по мере ослабления «духовных скреп» общества.

Анастасий отмечает необыкновенное духовное единство нации в начале Первой мировой войны, «когда весь народ сверху донизу, забыв все внутренние разделения, слился в единый духовный монолит вокруг своего царя... вдохновленный заветной мессианской мечтой... Если бы мы остались верны себе и претерпели до конца указанный нам свыше подвиг, мы, быть может, достигли бы наконец осуществления исконных национальных чаяний..., но русский народ не вынес искуса, утомленный войной... стал оскудевать духом... Соблазн легкого достижения всех благ пришел тоже в одеждах мирового мессианизма, подменив старый идеал новым, поставив на место вселенского братства бездушный интернационал».

Однако «чем разрушительнее была работа большевиков», тем больше люди начинали ценить «священные заветы родной истории», оборачиваясь душой и сердцем к традиционным устоям и идеалам. «Мы обновились духом и снова познали сами себя» - так Анастасий характеризует духовное состояние православного человека, пережившего трагедию как катарсис.

Теперь события XX в. воспринимаются им по-иному: произошел разрыв личности с духовной традицией, с корнями. «Мыслящий тростник» - так, используя определение Б. Паскаля, окрестил Анастасий интеллигенцию, которая стала поистине игрушкой в водовороте событий. «Слабость, которую наша интеллигенция проявила в минуту наших великих потрясений... это расплата за то, что она переоценила значение интеллекта... за счет чувства и воли, без которых невозможно никакое творчество жизни».

Строгий суд митрополита не миновал и таких титанов культуры, как Толстой и Достоевский, которые были «духовными реформаторами своей эпохи» и несут большую долю ответственности за состояние умов и душ.

Толстой своим «острым и глубоким плутом разрыхлил русскую почву для революции» и даже морально санкционировал ее. Особенно губительным было его противостояние с Православием, смутившее многие души.

Основной же пафос митрополита, как это ни покажется неожиданным, состоит в упреках Достоевскому. Для него великий писатель был не только знатоком человеческой души, но и провидцем. Анастасий ему в этом не отказывает, но идет дальше.

«Достоевский ясно видит демонический характер грядущей революции и ее вдохновителей, но... его кисть заводит его слишком далеко, ... порок обнажается слишком ярко, ... его положительные типы не дают противоядия против таких впечатлений».

Анастасий считает, что Достоевский «пластическим изображением духа и формы грядущей революции помог большевистским вождям конкретизировать свой идеал. Быть может, революция совершилась по Достоевскому не только потому, что он прозрел ее подлинную сущность, но и отчасти предопределил ее образ - самую силовую психического внушения, исходящего от его реалистического художественного гения».

Внимание Анастасия сосредоточено на постижении смысла революции - «одного из самых сложных событий мировой истории». Он сопоставляет события в России с Французской революцией и видит ряд существенных отличий. По его мнению, события в России логически продолжили и углубили французский опыт, подвели человечество к предельной черте. «Революционный процесс проходит через всю историю мира». Своими глубочайши-

ми корнями она (революция) уходит за пределы пространства и времени, являясь иррациональным явлением. Революция всегда соблазняет людей иллюзией легкого достижения свободы абсолютной, божественной и, как подчеркивает Анастасий, «она всегда зарождается в умах и постепенно электризует разные общественные слои, начиная, скорее, с верхних». Таким образом, сфера идейная, духовная имеет и в данном случае определяющее значение, а социально-экономические предпосылки лишь ускоряют или замедляют процессы, происходящие в умах. Главная пружина - порочная идея, проникающая в толщу общества и поражающая в первую очередь верхи.

В чем же соблазны революции, задается вопросом Анастасий. «Первое искушение... был соблазн хлебом, т. е. царством общей сытости, призраком земного рая... Ради этой, чисто земной цели человек должен был отказаться от всех вечных духовных идеалов, которыми жил в течение веков». Второй соблазн - «чудесный скачок в царство свободы, равенства и братства», отвергнув постепенное нравственное совершенствование. Третий - «самый страшный из всех» - призыв отречься от Бога. При этом Анастасий отмечает, что у «безбожного коммунизма на русской почве была своя динамика». Радикальная интеллигенция заимствовала у христианства, разорвав с ним по существу, идеалы любви, сострадания, идею жертвенности. Из этого материала она хотела построить новый общественный порядок без «религиозного основания». Россия на своем историческом опыте доказала, что «гуманистическое мировоззрение не может служить твердой базой для человеческой жизни» - это один из важнейших уроков русской революции.

Еще один вывод делает митрополит из русского революционного опыта. Религия настолько глубоко захватывает все существо человека, что он не может без нее, не может отделиться от нее безразлично: ей можно или следовать, или ее гнать и ненавидеть. «Религиозной нейтральности не существует», - приводит он слова Н. Бердяева. Веру в Христа заменяет ее противоположность. Атеизм, борясь с Верой, проявляет крайний фанатизм и попирает свободу воли человека.

Главный урок революции - ее «самоотрицание». Цели, провозглашенные на ее знаменах, оборачивают-

ся своими противоположностями: вместо хлеба - голод, вместо братства - братоубийственная война, вместо равенства - новые хозяева и, главное, духовное насилие, отсутствие свободы воли.

Митрополит Анастасий пишет: «Революцию нельзя рассматривать, как Провиденциальную историческую Немезиду, мстящую правительству и обществу за грехи прошлого и заключающую в себе врачество от политических и социальных недугов человечества, ибо в таком случае лекарство было бы опасней самой болезни... Здесь действует злая человеческая воля, сознательно стремящаяся разрушить и разлагать человеческую душу».

Революции, утверждает митрополит, не могут возникнуть иначе, чем по воле и желанию самого народа, и уже в силу этого являются «актом глубокого нравственного падения» его. Предотвратить революцию можно, если сознательно начать влиять на ход событий в смысле восстановления здорового нравственного климата и решения назревших проблем ненасильственными методами. Анастасий призывает: «Мы сами навлекли на себя эту болезнь и сами должны искать излечения». Но народ нельзя излечить от «революционной интоксикации» некими новыми учениями, «новыми политическими или социальными программами», противопоставляемыми советской идеологии. Поскольку революция искадила «самую идею, на основании которой должно быть устроено человеческое общество», следует первоначально вернуть тот «идеал», который для всякого православного знания ясен и определен.

В этом митрополит Анастасий развивает мысль своего предшественника, говорившего о необходимости «воспитания коллективной воли православного народа». Если русский народ вооружится идеалами предков и станет «твердыней Православия», то он вернется на свой исторический путь и восстановит былое духовное и государственное величие.

Анастасий (Грибановский) пишет: «Никто не решится предсказывать будущее, но мы обязаны готовить его». В его словах заключен призыв не унывать, не оплакивать утраченную силу России, но каждодневным трудом созидания собственной нравственной личности и достойной среды и общества вокруг себя, объединяя усилия единомышленников, воссоздавая исторический идеал - сначала как идею, а потом и как реальность.

Уроки российской истории митрополит распространяет на все человечество, судьба его едина. «Только христианство, спасшее мир от гибели в эпоху падения античной культуры, может еще раз влить новую жизнь в одряхлевшее духовно человечество». Главная сила его в том, что оно раскрепощает творческие, созидательные силы человека, основывается на ненасилии и свободе воли и выбора каждой отдельной личности. Обозначив духовный и нравственный идеал, христианство предоставляет нам самим решать, будем ли мы им руководствоваться.

В наших спорах о трагичном и великом XX веке важно не забывать, что СССР победил фашизм, выстроил индустриальную экономику, покорила космос и выстаивал в геополитическом противостоянии только благодаря возврату к государственному наследию исторической России и зачастую вопреки марксистско-ленинскому учению.

Именно в Феврале произошло предательство национально-политической элитой исторических устоев Российской империи, предательство во время военных действий - все остальное было лишь следствием. Без осознания этого мы не выучим исторических уроков.

Елена Бондарева
Столетие.Ru

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

НАРОД ИЛИ «ГРАЖДАНСКОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО»?

Есть многозначное и таинственное слово, которым пользуются, не осознавая вполне его содержания, – народ.

Слово народ в полноте смысла означает издревле сложившееся общественно-историческое и духовно-мистическое единство, отмеченное глубинными свойствами народности.

«Народность есть личность народа, – писал К. С. Аксаков. – Точно так же, как человек не может быть без личности, народ без народности. Если же и может встретиться человек без личности, народ без народности, то это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе, и другим... Народность одна дает возможность народу понять другие народности. Где исчезает она, там исчезает материально или нравственно сам народ. Народность – это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь. И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная – все принимает участие в этой силе».

Эта сила образуется вековой сопряженностью и единством судеб многих поколений, связанных:

- этнической близостью,
- языком,
- преобладающей верой,
- соприродностью культуры,
- корневыми духовно-нравственными представлениями и традициями,
- отношением к идеалам,
- соучастием в историческом становлении,
- обретенным пространством («родная земля»), наконец –
- историческим предназначением.

Отсутствие какого-либо из названных признаков восполняется иногда глубинной укорененностью – в остальных. И прежде всего – в культуре, духовно-нравственных представлениях и отношении к идеалам. Поэтому по праву называются русскими такие, например, люди иных этносов, как Петр Багратион, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Марк Антокольский, архимандрит Константин (Зайцев) и многие другие.

Народ – понятие духовно-сокровенное. Народ нельзя «выдумать» или искусственно «создать». Тому яркий пример: есть страна Америка, но нет национальности – американец, нет американской нации. Нет природного американского языка, нет корневого исторического уклада американской народной жизни (лада), нет духовно доминирующей веры, одухотворяющей историю этой страны, нет и не может быть здесь и американской национальной культуры, а есть лишь пестрая американская цивилизация, «гражданское общество», характеризующееся модернизированным вариантом английского языка, типом человека с обостренным практицизмом и деловитостью, направленными на материальное обогащение, «престижность», комфорт и государственный эгоизм. Есть достижения культур граждан Америки, представителей разных народов (наций), сожительства в «гражданском обществе» США. К. С. Аксаков проникательно заметил, что в этой стране «нет смиряющей родной почвы, ни чувства народности, ни исторического предания. Условное устройство взаимных политических отношений заменило здесь вполне чувство любви. Северо-Американские штаты – это великолепное общество-машина».

Жители Америки, получившие «географическое» наименование, не представляют собой единого народа – нации ни в историко-культурном, ни в

духовно-судьбоносном смысле, но объединены лишь политическими интересами и соблюдаемыми законами гражданско-государственного социума. Америка, как особое государство, внесшее много ценного в развитие научных, технических и цивилизационных достижений в мире, остается «пестрой смесью» народов-наций, скрепляемых практическими интересами и политическими корыстными предпочтениями. Есть там и конкретные национальности, которые реально (а не на словах и во всяческих официальных документах) властвуют в этой стране, то есть для своих национальных выгод, в своих национальных интересах определяют в том или ином отношении реальную политику, используя тайно или явно аппарат государства...

Стремясь скрыть таковую ущербность, американцы нарочито, хотя и неоправданно, вводят в государственные документы и официальные названия слово «национальный», дабы хоть чем-то «утвердить» на языковом уровне отсутствующие у них признаки духовно-мистической и историко-культурной общности. Все у них – «национальное», а не государственное: банки, парки, зоопарки, разного рода учреждения и т. д. Да и чем можно им утвердить «духовно-историческое единство»: неужели – исторически реальным «подвигом» основателей «нового света» в безчеловечном уничтожении коренных жителей страны, благородных индейцев, за каждый из скальпов которых их «славным предкам» в оные времена давали вознаграждение?..

НАРОД – НАЦИЯ – ГОСУДАРСТВО

Народ национален. Национальность – корень и проводник сознания человека как духовной личности, как исторического существа; в ней – корневая система духа. Дух нации, закрепленный выстраданной исторической традицией, – выразитель ее самобытности. Исторически сложившийся народ обладает своим национальным характером, особенностями психического склада и взгляда на мир, своей культурой и образом мысли.

Национальность – залог сознания исторического человека, основа национального достоинства, национальной ответственности и национального долга. Национальность – печать духовной самобытности народа, его исторической роли и значимости. На путях истории народ обретает международное признание, и его начинают называть еще и нацией.

Нация утверждает себя через свободно-самобытное культурное бытие в развитии сообразно с исторически сложившимися национальными духовными ценностями. Это требует прежде всего исполнения человеческого долга. «Всем известно слово долг, – писал видный ученый профессор И. А. Сикорский, – известны и два другие слова «национальный долг». Слова эти не вычеркнуты ни из словарей, ни из жизни... Долг подлежит исполнению. Долг националистов состоит в охранении и развитии величайшего наследия веков – национальной души... со всеми ее атрибутами: языком, поэзией, художественным творчеством, школой, прессой, религией. Охранной силой может быть не армия и флот, но великое напряжение национального духа». Все это связано с телеологическим свойством нации, с «пониманием идеи в ее основной и конечной предопределенности», в стремлении к целям, «оцениваемым самим человеком, как нечто высшее, чем его собственные интересы».

«Народы, как и люди, неповторимы. Дарования Божии каждому из них определяют его роль и место в истории человечества. Русскому народу определено Богом особое служение, составляющее смысл русской жизни, во всех ее проявлениях, – пишет митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев). – Это служение заключается в обязанности народа хранить в чистоте и неповрежденности нравственное и догматическое вероучение, принесенное на землю Господом Иисусом Христом. Этим русский народ призван послужить и всем другим народам земли...» «Русскость – как начало культурно-духовное – определяется степенью укорененности, глубинной личностной слиянности с историческим образом народа. Степень такого личностного тождества со своим народом и определяет почвенность или беспочвенность человека... Можно жить далеко от своей земли, но оставаться глубоко укорененным в родной культуре и, таким образом, быть почвенником, а можно пребывать на определенной территории, не отождествляя себя ни с судьбой народа, ни с культурой...»

В суровой истории своей обрел русский народ одну из коренных созидательных своих черт – государствообразующее дарование, определяемое его исконными духовно-нравственными и политическими свойствами. Среди многоцветья мирного бытия народов России он более других умеет жертвовать собою общему делу.

Ревнителю «вавилонского столпотворения» в России неслучайно пытаются замолчать его роль, истребить в сознании политических масс безусловную важность особой государствообразующей ответственности и жертвенности русских... Есть в них корневое чувство великой русской земли и глубокие ощущения ответственности перед нею. «...Нигде на Западе и даже в целом мире, – писал Ф. М. Достоевский, – не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека... Тем не менее хозяин земли русской есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это все одно) – и так будет навсегда...»

Народ без национальности – сброд не связанных духовно-исторической жизнью родов, вавилонское столпотворение. Принадлежащий к такому смешению, – лишь часть сброда, не более. Спасти от такого состояния может только истинный национализм. Это понятие толкуют по-разному и неслучайно нарочито искажают его смысл в политических целях. Здесь необходима ясность.

Национализм (в переводе) значит: народность. Слово это и означает причастность, верность и благочестивую преданность народу, к которому принадлежит человек (личность).

Национализм воплощает благодарную память о предках своей нации и ее национальной истории, благородное ощущение долга перед родным народом, способность оценивать в связи с ним смысл своей жизни и ответственность за будущее. Националист служит национальному единству народа (нации), его утверждению в самобытной культуре, развитию этой культуры на основе созидательных ценностей, обретаемых в русле национальных традиций и державно-исторических связей.

Почитание своего народа зиждется в национализме на нелицемерном уважении ко всем другим народам. Истинный национализм чужд лжи, эгоистической или враждебной национальной обособленности, фальшивого сепаратизма или слепого возвышения своего народа над другими народами и за их счет. Нелишне вспомнить в связи с этим замечания академика Б. В. Раушенбаха: «...Ни одному баварцу не приходит в голову бредовая идея о суверенитете... Если баварцам предложить выйти из объединенной Германии, они будут считать это идиотизмом...». Истинный националист – враг всякого шовинизма, нацизма и фашизма.

«Национализм, – свидетельствует И. А. Ильин, – есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду... Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой воли и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету». Вне-национальное «государственное сожительство», называемое «гражданским обществом», не может быть почвой свободного национального бытия...

Извращенное толкование слова национализм возникло не случайно. Врагам самобытности и свободы народов, так называемым космополитам и глобалистам (в действительности же – тайным шовинистам-трюкачам!), – нужно было бросить тень на понятие – нация. Извращенное толкование слова национализм неизбежно влечет за собой осквернение связанного с ним этого понятия. Коварные оскверните-

– НАРОД...

ли это знают. Их цель – внушить людям, любящим свой коренной народ, смущение перед чувством, которым можно только гордиться...

Единство народа, связанное с национальной историей, с национальным самосознанием и достоинством, требует ясного представления об их предмете. Чтобы предмет мог быть осознан, он должен быть назван, должен иметь имя. «Недозревшая до имени вещь «собственно» и не есть вещь, – пишет один из известных ученых, – она подобна недостроенному зданию, о котором нельзя сказать ничего определенного... Или же она подобна человеку, которого в просторечии называют недоделанным». Обретя имя, выстраданное историей и оплаченное кровью многих поколений, народ совершает исторический путь под знаменем этого своего имени.

Неполноценным, ущербным, как бы несуществующим, становится явление, которое лишается имени. Лишение имени, несомненно, имеет и сакральное значение. Жизнь народа может полноценно осуществляться среди других, если это определенный исторический народ. Исторически сложившаяся национальность (и только она!) знаменует национальную идентичность народа! Право иметь имя выстрадано всей многовековой историей народа, оплачено кровью многих его поколений. Посягательство на историческое имя народа – вызов его бытию, значению и достоинству. Любая форма «приглушения» национальности – это предательство народа, его многострадального и великого прошлого, его славных дел, созидательных свершений и творческих устремлений.

Твердо помнили это наши предки, победившие врагов в Отечественной войне 1812 г. «...Клянусь прахом отцов моих и тобою, Родина священная! – писал И. И. Лажечников. – Клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками; и если изгнано их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и мирных хижинах, то пусть недостойн буду имени Русского...». Имя народа и всех людей, ему принадлежащих, олицетворяло память, достоинство и связь с великим прошлым, утверждало чувство личной исторической ответственности перед народом.

Не раз возвращается писатель к этой теме. «Какой народ не любит восстановления своего имени? Какой пленник, оковами отягченный, не восхищается надеждою свободы? Велик народ, в трудной борьбе с неровными силами сохранивший всю славу своего имени; почтен и тот, который, потеряв имя в бурю политических обстоятельств, при первой благоприятной возможности спешит ополчиться всеми силами и средствами своими для восстановления его...»

Долг русских людей – свято беречь имя своего народа в условиях тяжелейшей информационной войны, к которой иные недопустимо привыкли. От этой привычки, питаемой растлевающими идеями плюрализма и толерантности, рождается смертельное равнодушие к разрушению нашей духовной Родины. Родина – это все наше великое и трагическое историческое прошлое, величайшее наследие нашей культуры, образования, науки и искусства. Родина – это наши великие писатели, от автора «Слова о Полку Игореве...» до Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, С. Есенина, М. Шолохова, Н. Рубцова и В. Распутина, наши художники – от Андрея Рублева до В. Васнецова, Д. Поленова, П. Корина, П. Рыженко и других достойных

современных живописцев. Это и наши композиторы и музыканты от Д. Бортнянского и И. Хандошкина до П. Чайковского, С. Рахманинова и Г. Свиридова, наши ученые от М. Ломоносова до Н. Вавилова, И. Курчатова и С. Королева и многих других.

Историческая Россия – это особое духовное пространство, Православное Царство, приобретшее название Святой Руси. Понятие святости во всей Руси имело особый смысл. «Для Руси святость – идеал, но идеал обязательный и общий, предполагающий сознательную мобилизацию всех сил духовных для его осуществления. Это абсолютная ценность, которая не только возглавляет пирамиду ценностей, но и поглощает их все», – пишет архимандрит Константин (Зайцев). «...Русские люди ощущали себя принадлежащими непосредственно к одному Миру, все ему отдавая и все от него получая, никак себя ему не противопоставляя – ни общественно, ни единолично. Это и было Русское Православное Царство...».

Против России, корнями своими уходящей в это царство духа, против ее многовековой светозарной культуры и ведется ныне тотальная информационная война, предпринимаются «массированные попытки подавить независимость русского сознания, унижить и смешать его с грязью. Радио «Свобода», – пишет академик И. Р. Шафаревич, – утверждало, что «перестройка должна...изменить духовный строй русского человека, приблизить его к западному складу сознания», добиться «мутации русского духа», «русского человека выжить из традиции». Это соответствует документам глобалистов, планирующих подготовить «толерантные» массы примитивных людей через образовательные стандарты, основанные на качестве новых базисных принципах, применяемых на всех уровнях образования – начальном, среднем, высшем и распространяемых на всю сферу воспитания». Сознание таких людей должно избавиться от непреходящих собственно человеческих свойств: национально-исторического сознания, веры и культуры.

Неслучайно после революции иудо-большевики приложили огромные усилия, чтобы лишить русских православного вероисповедания. Неслучайно ныне, заговорив о русском народе, иные «видные люди» пытаются исказить его облик. Так, несколько лет назад одно ответственное лицо публично вспомнило о русской культуре. И тут же приписало русским следующие «лучшие» черты: «терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе». И все. При этом были «забыты» корневые черты русского народа, отразившиеся во всей его истории и культуре: органическое стремление к правде-истине и правде-справедливости, глубинная совесть, сострадание, милосердие, целомудрие, самоотверженность и вера в неизбежную победу добра и справедливости, наконец, то, что именно русские, а не кто другой, были державными строителями России.

«Упущения» начальствующего невегласа неизбежно должны были содействовать ложным мнениям, ложным «подстановкам» понятий, помогающим политике информационных диверсий в ведущейся необъявленной войне против России и русского народа.

Не забудем же слов И. В. Сталина, назвавшего в послевоенном победном тосте русский народ выдающейся нацией и руководящей силой страны. Вольная или невольная недооценка руководящей силы может только осла-

блять единство целого. Будем же это помнить!

«Надо отдавать себе отчет, – писал митрополит Иоанн (Снычев), – проводимая последние годы политика жестко предполагает денационализацию русского сознания и российской государственности, утрату нашей религиозной и культурной индивидуальности, «унификацию» русской жизни согласно «общемировым» стандартам». Такой политике противостоит дух нации, русский дух, сформировавшийся в ходе исторического развития русского народа и проявляющийся неожиданно, в критические моменты, характерный внутренний духовный настрой русского человека, выражающий и отражающий генетически закрепленные, хотя и проявляющиеся не всегда в одинаковой степени черты национальной личности. Волевой духовный импульс, духовная энергия, выплескивающаяся в поведении и поступках русского человека в обыденной жизни и в экстремальных условиях. Качествами, сопряженными русскому духу, являются остро переживаемое чувство совести, сострадания, милосердия, безусловной жертвенной готовности стоять за правду-истину, справедливость и веру; убежденность – в окончательной победе правды и добра. В русском народном творчестве «русский дух» осмыслен как противостоящий всякой нечистой силе.

Наследники прежних духовных насильников пытаются вновь лишить нас исконного имени народа – национальности, «забыв» в паспорте на нее указать и пытаться «сварить» нас в межнациональном котле «гражданского общества» под географическим названием «россияне» или «российская нация». Но такой нации нет! Есть веками сложившееся историческое целое единой России, есть единство наций, каждая из которых имеет свое имя, свою самобытную культуру, входящую в самобытное целостное замечательное многоцветье культур народов России. Был, есть и будет державный великий русский народ, против которого сегодня ополчились внешние и внутренние темные силы и кучки «родных невежд».

Культура – неперемненное свойство каждого народа и принадлежащего к нему человека. Даже те, кого называют некультурными, обладают элементами культуры. Ибо они считаются со многими установленными представлениями и правилами, вынужденно или по убеждению принимают то, что сосредоточивает устойчивые социальные, национально обустроенные созидательные традиции.

Культура – это воплощенное в разных областях содержание созидательных представлений, идей, опыта, устойчивых традиций, сформировавшихся и освященных в самобытной исторической деятельности какого-либо народа, людей, являющих собой духовно-национальную общность. Культура – национальна. Народ может иметь или свою самобытную культуру или – никакой, ибо чужая культура ему не принадлежит. Народ неповторим, его культура отражается в полноте содержания этой неповторимости. Каждый народ имеет свой идеал человека. Этот идеал «всегда выражает собою, – говоря словами К. Д. Ушинского, – степень самосознания народа...народную совесть».

Многообразие национальных культур единой России сохраняется благодаря великой русской культуре, сфор-

Всеволод Юрьевич Троицкий

мировавшейся в лоне Православия. Ведь даже в эпоху ожесточенной средневековой религиозной розни и резни – святой Феодосий Печерский проповедовал терпимость и человеколюбие ко всем народам разных вер, твердо следуя христианской заповеди любить своего ближнего, как самого себя: «Свою веру непрестанно хвали... И подвигайся в своей вере добрыми делами и милостью одаряй не только единоплеменцев, но и чужих. Если видишь раздетого, или голодного, или от стужи или от беды какой страдающего, будешь ли ты иудей, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латынянин, или язычник любой – всякого помилуй и от беды избавь, и не будешь лишен вознаграждения от Бога».

Коренные свойства и традиции русской культуры имеют основание в соборном мирозерцании, чувстве совести, стремлении к правде-истине и правде-справедливости, любви, милосердию, вере в добродетельное и прекрасное и в несомненную победу добра. Эти черты культуры государствообразующего народа создавали условия для сотрудничества и духовного взаимообогащения культур народов России.

Россия – уникальный цветник культур. Выражение же «российская культура» отражает непонимание того, что национальность – неперемненный признак истинной культуры. Культуры могут сосуществовать и обогащать друг друга, лишь оставаясь национальными, то есть самобытными.

Для наглядности понимания приведу такую аналогию: люди, имеющие несовместимые группы крови, могут сотрудничать и дружить, а мужчины и женщины – вступать в брак, иметь детей и т. д. Но если одному из таких супругов перелить кровь другого, – он умрет. Культуры сосуществуют, успешно взаимодействуют и взаимообогащаются, но! (аналогично): искусственное или насильственное «смешение» и «навязывание чужого» уничтожает культуры. Это необходимо помнить и нам в России в нынешних обстоятельствах искусственно создаваемого с помощью СМИ «вавилонского столпотворения», маниакально-агрессивной рекламы английского языка в условиях колониального угнетения русской речи и системного разрушения отечественного образования, прежде всего его гуманитарной составляющей. Такая политика – это духовный геноцид.

Всеволод Юрьевич Троицкий, доктор филологических наук, профессор; главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

(Продолжение следует).

ИСТОРИЯ ЕСТЬ ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

О КАЖДОЙ СТРАНЕ И КАЖДОМ НАРОДЕ

(Окончание. Начало на стр. 10)

– Распространено мнение, что Первая мировая – это война исключительно европейских государств между собой и России не надо было в нее вмешиваться.

– Одним из самых распространенных мифов является утверждение, что император Николай II «ввязался» в «ненужную» России Первую мировую войну. Казалось бы, нелепость этого утверждения доказывается в первую очередь тем, что не Россия объявила войну Германии и Австро-Венгрии, а, наоборот, Германия 19 июля / 1 августа 1914 года и Австро-Венгрия 24 июля / 6 августа 1914 года объявили войну России. Тем не менее обвинение Государя в том, что он «начал войну», прочно вошло в сознание советского и постсоветского общества. Между тем обвинять так же нелепо, как Александра I – в войне с Наполеоном, а Сталина – в войне с Гитлером. Лживый миф об «империалистической» войне был создан большевиками для оправдания своей изменнической деятельности в военные годы и легитимации незаконно захваченной власти.

– Четвертое нашествие – нацистское, менее чем через четверть века после предыдущей попытки поработить нашу страну?

– Четвертое – самое кровавое и страшное – нашествие Запада началось для нашей страны 22 июня 1941 года, в день Всех святых, в земле Российской просиявших, и закончилось почти одновременно с днем памяти святого Георгия Победоносца, который в тот год совпал со Светлым Христовым Воскресением, – 9 мая 1945 года.

Великая Отечественная война в той или иной степени затронула каждую семью бывшего Советского Союза, оставила неизгладимую рану в душе многих поколений. Сегодня нет ни одного русского человека, который не воспринимал бы Победу в Великой Отечественной войне как общенациональную и одновременно свою личную духовную святыню. Акция «Безсмертный полк», прошедшая 9 мая 2015 года по всей стране, – это великое поднявшееся снизу народное движение, и оно лишний раз доказало, что Победа 1945 года принадлежит всему нашему Великому Народу: великороссам, украинцам, белорусам, татарам, грузинам, армянам, чеченцам, азербайджанцам, евреям...

Нацисты несли России расчленение, рабство и геноцид ее народам. Но сегодня нам нужна именно правда о Великой Отечественной войне, правда о том, почему для нас она так страшно и тяжело началась и почему мы ее так победоносно завершили. Мы должны понять, каким образом из почти разбитой, уничтоженной Красной Армии родилась великая Армия-Победительница, сокрушившая «непобедимый» вермахт, освободившая Европу и взявшая Берлин.

– А разве мало трудов и исследований, посвященных истории этой войны?

– Их много, но до сих пор у нас продолжает господствовать неисторичный антинаучный подход к Великой Отечественной войне, когда она вырывается из общерусской истории, преподносится как нечто совершенно особенное для нее, не связанное с другими ее славными страницами.

Великая Отечественная война является священной, так как в ее годы ожила святая идея, которой Россия жила веками. Вопреки советским идеологическим догмам войну выиграла не Коммунистическая партия и не «передовой» социалистический строй. Ее выиграл великий Русский Дух Победы, тот самый, что изгнал польских захватчиков из Кремля, заставил под Полтавой бежать сломя голову «непобедимого» Карла Шведского, а в 1812 году развеял в прах Великую армию «непобедимого» Наполеона.

Признание Победы 1945 года как великой Милости Божией, проявленной к жертвенному подвигу русского народа, вовсе не означает сокрытия чудовищных ошибок и преступлений, которые были совершены сталинским руководством в отношении нашего народа. Не нужно в который раз лакировать действительность, беззачетно говоря о Подвиге и забывая, какой ценой этот Подвиг был достигнут. Великая Отечественная война доказала, что в народе жива заповедь Спасителя: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15, 13). Именно поэтому мы победили.

ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

– Петр Валентинович, как-ва ситуация сегодня?

– Сегодня мы снова видим, как против нас готовится очередное нашествие уже совершенно отпавшего от Бога Запада. По существу, в январе 2014 года, хочет ли это кто-нибудь признавать или нет, мир вступил в Третью мировую войну, провокацией которой стал киевский майдан. Ее организаторами является небольшая сверхвлиятельная группа людей, растворившаяся в Бильдербергских клубах и Трехсторонних комиссиях, использующая в качестве своей агрессивной силы Соединенные Штаты Америки. Эта война неслыханна по своему цинизму и жесткости. Кровавая дуга протянулась от Сирии до Донеца и Луганска. Гибнут беременные женщины, невинные младенцы, глубокие старики. Гибнут православные священники, мусульманские имамы, католические миссионеры. Слово из преисподней вылезли отряды смерти с нацистской и ваххабитской символикой, состоящие из садистов, маньяков и извращенцев, сеющие смерть и разрушение. Их тайные хозяева поставили простую цель: мировое господство и Новый мировой порядок. Об этом же мечтал и Гитлер, который тоже строил «Neuordnung» (Новый порядок). Вспомним, что эта же цель декларирована на долларе США: «Порядок нового века». Этот век наступает, и мы видим, что он с собой несет: безбожие, разрушение Церкви,

семьи, ювенальную юстицию, пропаганду педерастии и педофилии, утрату государствами своей национальной и культурной идентичности, превращение человека из свободной личности в скотоподобного раба. В этом «порядке» не будет места национальным государствам, культурам, религиям, исчезнут даже семьи. Все заменит один электронный концлагерь, хозяином которого будет – прямо как по Оруэллу – «Большой брат».

Все это не страшилки из очередного ужастика, а реальность, которая день ото дня становится все более отчетливой.

– Какая миссия возложена на Россию?

– Война объявлена всему человечеству, но, на наш взгляд, единственная сила, которая может противостоять развязанной агрессии, – это Россия. Именно на нее Богом возложена великая и ответственная миссия быть Третьим Римом, удерживающим мир от падения в бездну зла.

Это не наша «выдумка», не наше «бахвальство». Наша миссия не имеет ничего общего с захватами, аннексиями, с проявлением так называемого «русского национализма». Наша миссия – возрождение великой Русской Цивилизации, в которой мы все – русские, украинцы, белорусы, татары, чеченцы, дагестанцы, башкиры, удмурты, якуты и другие народы, населяющие нашу страну, – были объединены для жизни в Боге и с Богом, в мире Добра и Справедливости; в которой мы могли бы противостоять богореческому и античеловеческому западному «новому порядку», стремящемуся уничтожить человека как творение Божие.

Только Россия, в силу своих духовно-нравственных, территориальных, ресурсных, военных возможностей, является сегодня авангардом сопротивляющегося человечества. Сегодня вопрос стоит так: либо побеждает «Новый мировой порядок», и это означает гибель человечества, – либо побеждает Россия, и это означает, что человечество получает от Бога еще один шанс.

– Какие попытки предпринимаются для того, чтобы помешать России осуществить ее миссию?

– Военным путем нас победить очень сложно и опасно для агрессоров. Поэтому делается ставка на внутренние беспорядки, на «майданы» и «болотные площади», на истеричные вопли «Путинвсеслил» и т. д. Очевидно, что сегодня любой, кто выступает за отставку или свержение Президента В. В. Путина, является врагом России. Не потому, что Владимир Владимирович Путин идеален, а потому, что во время войны удар по главе государства и Верховному главнокомандующему является изменой с непредсказуемыми последствиями. Кроме того, очевидно, что, если Западом предпринимается такая яростная атака на Президента, значит, он сумел достичь очень важных и кардинальных успехов, глубоко озоботивших наших западных недругов.

Сегодня всему народу необходимо сплотиться вокруг Президента и молить Бога о ниспослании ему побед и мудрости в решении вопросов сегодняшней опасной международной обстановки.

С Петром Валентиновичем Мультиатули беседовал послушник Никита (Попов)

**ПРАВОСЛАВНАЯ
НАРОДНАЯ ГАЗЕТА**

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

**Достоинимые читатели!
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА «ПРАВОСЛАВНУЮ НАРОДНУЮ ГАЗЕТУ»
НА I полугодие 2017 года (на оставшиеся месяцы)**

Рекомендуем выписать одно из немногих правдивых
информационно-аналитических изданий.
Подписаться на «Православную народную газету» можно
в любом почтовом отделении Российской Федерации.

**НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС - 37603 - В КАТАЛОГЕ
РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ» и по Самарской обла-
сти, и для других регионов РФ - в разделе «Межрегиональные газеты».**

Тел.: (846) 275-40-85.

*Еще хочется отметить, что на одну подписку ни одно издание (кроме
сугубо рекламных), выжить сегодня не может. В нынешнее финансово
трудное время просим вас, откликнитесь на призыв нашего издания!*

**Включитесь в благое дело сохранения «Православной народной газеты»!
Внесите свою посильную лепту от любящего сердца!**

НАШИ РЕКВИЗИТЫ: Р/с 40702810554110104677 в Поволжском банке ПАО
«Сбербанк России» г. Самара. БИК 043601607, к/с 3010181020000000607,
ИНН 6318131454, КПП 631801001. ОКПО 14555434.
Получатель: ООО «Православная Народная газета»

**МНЕНИЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ МОГУТ
НЕ СОВПАДАТЬ С МНЕНИЕМ РЕДАКЦИИ**

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Уважаемые читатели!
Просим вас не использовать эту газету
для хозяйственных целей.

**НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
37603**

Учредители: Приход в честь Преподобного
Сергия Радонежского.

Зарегистрировано МПТР России.
Свидетельство о регистрации:
ПИ № 77-14581 от 07.02.2003 года.

Газета отпечатана
в ОАО Типография «Солдат Отечества»,
г. Самара, ул. Авроры, 112 «Б».

Тираж 4000 экз. **Время сдачи:** 17.00
Заказ № **Фактически:** 17.00

Председатель редакционного совета

архимандрит Георгий (Шестун), настоятель

Заволжского мужского монастыря в

честь Честного и Животворящего Креста

Господня.

Главный редактор Михаил Щербак.

Корректор Татьяна Петрова.

В НОМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
СТАТЬИ И СНИМКИ ИЗ ИНТЕРНЕТА.
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ МАТЕРИАЛОВ
ССЫЛКА НА «ПНГ» ОБЯЗАТЕЛЬНА.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ В СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ МЕСЯЦА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

443045, Самара, пер. Академический, д. 1
Тел.: (846) 275-40-85 E-mail: pngpres@mail.ru
Интернет-страница: <http://pnggaz.cerkov.ru/>